

Джонатан
Келлерман

КОСТИ

ДЕТЕКТИВЫ ПРОФЕССОРА
ПСИХОЛОГИИ

Психолог Алекс Делавер и детектив Майло Стёрджис
образуют самый оригинальный дуэт сыщиков
со времен Холмса и Ватсона.

Forbes

Алекс Делавэр

Джонатан Келлерман
Кости

«ЭКСМО»

2008

УДК 82(1-87)
ББК 84(7Сое)

Келлерман Д.

Кости / Д. Келлерман — «Эксмо», 2008 — (Алекс Делавэр)

ISBN 978-5-04-089354-6

Их нашли на заповедном болоте, раскинувшемся на окраине Лос-Анджелеса. Сначала одно женское тело, потом еще два. Все они были повернуты лицом на восток – и у всех отсутствовала правая кисть. Налицо работа серийного маньяка. И значит, это дело для лейтенанта Майло Стёрджиса и его давнего напарника, психолога-эксперта Алекса Делавэра. К тому же выяснилось, что одна из девушек, отличная пианистка, играла на закрытых вечеринках весьма необычного характера...

УДК 82(1-87)
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-04-089354-6

© Келлерман Д., 2008
© Эксмо, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	42
Глава 8	49
Глава 9	54
Глава 10	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Джонатан Келлерман

Кости

Посвящается Лайле

Особые благодарности

Ларри Малмбергу и Биллу Ходжмену

Глава 1

«Все так делают» – это не оправдание!

Неправда.

Если все так делают, значит, это нормально, верно? Проведя исследование, Ченс убедился, что не сделал ничего неправильного.

Он «погуглил» «мошенничество в старшей школе», поскольку в его наказание входила необходимость написать эссе. И обнаружил, что четыре из пяти учеников старшей школы – чертовы восемьдесят процентов! – мошенничают.

Правило большинства. Совсем как та штука в учебнике по социальным мерам... социальные нормы.

«Социальные нормы – это цемент, скрепляющий общество».

Когда Ченс попытался пошутить на эту тему с родителями, они не смеялись.

Точно так же, как когда он сказал им, что существуют гражданские права и что школа не может заставлять его заниматься общественными работами за пределами школьной территории. Это противоречит Конституции. Самое время позвонить в ACLU¹.

Отец неодобрительно сощурился. Ченс повернулся к маме, но та отвела глаза.

– ACLU? – Отец громко и смачно откашлялся, словно выкурил слишком много сигар. – Потому что мы платим немаленькие пожертвования в ACLU? – Он тяжело задышал. – Каждый чертов год. Ты это хочешь сказать?

Ченс ничего не ответил.

– Мило, ужасно мило... Ты на это намекаешь? Так вот что я тебе скажу: ты обманываешь. Постоянно. И ACLU срать хотела на то, что ты им скажешь.

– Следи за языком, Стив, – вмешалась мама.

– Не начинай, Сьюзен. У нас чертовски серьезная проблема, а я, похоже, единственный, кто не намерен накласть на это с большим прибором.

Мама поджала губы и занялась было своими ногтями, но потом повернулась спиной к мужу и сыну и стала возиться с тарелками на кухонной стойке.

– Это его проблема, Сьюзен, а не наша, и если он ею не займется, мы можем поцеловать Оксидентал – или любой другой мало-мальски приличный колледж – в задницу.

– Я займусь этим, пап, – пообещал Ченс с выражением лица, которое Сарабет называла «Мистер Искренность».

Она смеялась, когда он расстегивал ее лифчик: «Все покупаются на Мистера Искренность, Ченси, кроме меня. Я-то знаю, что это Мистер Обман».

Отец уставился на него.

¹ ACLU (англ. American Civil Liberties Union, Американский союз защиты гражданских свобод) – некоммерческая, неправительственная организация США, провозгласившая своей целью «защиту и охрану частных прав и свобод, гарантированных каждому человеку в этой стране конституцией и законами Соединенных Штатов».

– Эй, – продолжил Ченс, – признай, по крайней мере, что у меня хорошая зрительно-двигательная координация.

Отец длинно выругался и, топая ногами, вышел из кухни. Мать вздохнула:

– Он смиритесь с этим, – но тоже ушла.

Ченс выждал, дабы убедиться, что никто из них не вернется, и только потом улыбнулся.

Он был доволен своей зрительно-двигательной координацией.

Переведя свою «Моторолу Рейзор» в режим вибрации, он засовывал ее в боковой карман своих широких штанов-карго. Телефон с удобством размещался поверх кучи хлама, который Ченс напихал туда, чтобы создать своеобразную подставку.

Сарабет, сидевшая через три ряда от него, присылала эсэмэски с ответами на контрольную. Ченс ловко списывал их, зная, что его не поймают, потому что Шапиро – близорукий олух, который не выходит из-за своего стола и ничего не видит.

Кто мог знать, что Беркли придет поговорить о чем-то с Шапиро, зорко окинет взглядом класс и заметит, что Ченс пялится в свой карман? Весь класс делал то же самое, у всех в карманах вибрировали телефоны. Все списывали контрольную от начала до конца, потому что Шапиро был таким наивным дураком: вся параллель знала, что он не заметит, даже если в класс войдет голая Пэрис Хилтон и расставит ноги.

«Все так делают» – это не оправдание!

Рамли укоризненно покачивал своим длинным носом и говорил скорбным тоном, точно на похоронах. Ченс хотел ответить: «Значит, оно должно быть таковым, чувак». Вместо этого он сидел в кабинете Рамли, зажатый между родителями и, опустив голову, старался принять виноватый вид. Вместо этого вспоминал, как выглядел зад Сарабет в стрингах, – а в это время Рамли толкал бесконечную речь о чести, этике и истории Виндуордской подготовительной школы, и о том, что если школа решит известить администрацию Оксидентала, это будет иметь тяжелые последствия в том, что касается учебы Ченса в колледже.

Это заставило мать расплакаться.

Отец просто сидел, мрачно взирая на мир, и даже не протянул руку, чтобы взять со стола Рамли бумажный носовой платок, так что директору самому пришлось встать и протянуть платок матери Ченса. Одновременно он недовольно посмотрел на отца Ченса, из-за которого ему пришлось так утруждаться.

Сев обратно в кресло, Рамли снова завел свои нудные речи.

Ченс притворился, будто слушает; мама всхлипывала; у отца был такой вид, словно он хочет кого-нибудь побить. Когда Рамли наконец завершил речь, отец начал разглагольствовать о вкладе его семьи в жизнь Виндуордской школы, упомянув об участии Ченса в баскетбольных матчах и вспомнив то время, когда сам играл в школьной футбольной команде.

В конце концов, взрослые пришли к соглашению, и на их лицах появились довольные улыбки. Ченс чувствовал себя марионеткой, но старался сохранять серьезный вид: проявления радости были бы уже чем-то из разряда плохого кино.

Наказание 1: ему придется написать другой вариант контрольной – Шапиро составит этот вариант специально для него.

Наказание 2: больше никаких мобильных в школе.

– Быть может, этот прискорбный случай приведет к хорошим последствиям, молодой человек, – заявил Рамли. – Мы подумываем о всеобщем запрете мобильных в школьном здании.

«Ну, давайте, – подумал Ченс. – Я оказал вам услугу, вам следовало бы не наказывать меня, а вообще заплатить, как за консультацию».

Пока что все шло хорошо, и на секунду Ченс решил, что легко отделался. Затем:

Наказание 3: эссе. Ченс ненавидел письменные работы, обычно эссе за него писала Сарабет, но здесь она ничего не могла для него сделать, поскольку ему предстояло корпеть над работой в школе, в кабинете Рамли.

Но это все еще было ничего.

Потом последовало *Наказание 4:* «Поскольку частью всего этого должна быть определенная материальная ответственность, юный мистер Брендт».

Мать и отец согласились. Они втроем явно сговорились против него.

Ченс притворился, что согласен.

«Да, сэр, мне нужно расплатиться с долгами, и я сделаю это как можно быстрее, с должным прилежанием».

Он произнес какие-то заученные слова. Отец смотрел на него с выражением «кого ты разыгрываешь, парень?» – однако на мать и Рамли это, похоже, произвело впечатление.

Директор пожевал губами.

«Общественные работы».

О, черт.

И вот к чему это привело.

Он сидит в офисе Организации спасения Болота в одиннадцатый вечер своего тридцатидневного наказания. Мерзкая тесная комнатка со стенами цвета дерьма, на которых нарисованы утки, жуки и прочая пакость. Единственное грязное окошко выходит на стоянку, где припаркованы только две машины – его и Дабоффа. В углу лежит стопка наклеек на бамперы, которые, по идее, положено выдавать любому посетителю.

Но посетителей не было, и Дабофф оставил Ченса одного, и ему оставалось только размышлять о том, как глобальное потепление нагревает утиные задницы, что заставляет птиц бросаться на самолеты, большие ли члены у жуков, и так далее.

Чертовы тридцать вечеров, испортившие ему все летние каникулы.

Сидеть тут с пяти до десяти вечера, вместо того чтобы гулять с Сарабет и друзьями, – и все из-за социальной нормы, которой придерживаются четыре из пяти человек.

Когда звонил телефон, Ченс чаще всего игнорировал его. А когда он отвечал, это всегда оказывался какой-нибудь неудачник, которому нужно было указать дорогу к болоту.

«Зайди на чертов веб-сайт или воспользуйся услугами “Мэпквест”, придурок!»

Ченсу не было позволено звонить отсюда кому бы то ни было, но со вчерашнего дня он приладили разводиться Сарабет на секс по мобильному телефону. Она влюбилась в него еще сильнее за то, что он не сдал ее Рамли.

Ченс сидел, пил из жестянки ставший теплым «Джолт»². Нащупал в кармане штанов пакет с едой, но решил: «Попозже».

Еще девятнадцать вечеров строгого заключения. Он начинал чувствовать себя одним из членов «Арийского братства»³.

Две с половиной чертовых недели, пока он, наконец, не будет свободен от этих лютер-кинговских работ. Ченс взглянул на свои наручные часы. Девять двадцать четыре. Еще тридцать шесть минут, и он сможет уйти.

Телефон зазвонил.

Ченс проигнорировал его.

Телефон продолжал звонить – десять звонков.

Ченс позволил ему умереть своей смертью.

² Марка газированного прохладительного напитка.

³ «Арийское братство» – крупнейшая организованная преступная группировка белых расистов в США, имеющая около 15 000 членов внутри и за пределами тюрем.

Минуту спустя телефон зазвонил снова, и он решил, что, наверное, нужно ответить: вдруг это Рамли проверяет его?

Откашлявшись и войдя в образ Мистера Искренность, Ченс поднял трубку.

– Организация спасения Болота.

Молчание на другом конце провода заставило его улыбнуться. Кто-то из друзей разыгрывает его, скорее всего, Итан. Или Бен, или Джаред.

– Слушай, колись, все и так всплыло.

Странный шипящий голос произнес:

– Всплыло? – Жутковатый смешок. – Кое-что потонуло. И погребено в вашем болоте.

– Ладно, приятель...

– Заткнись и слушай.

От такого обращения кровь бросилась Ченсу в лицо, как бывало в те моменты, когда он готов был перехватить мяч у какого-нибудь разгильдяя из команды противника, а потом принять невинный вид, когда тот начинал хныкать, что его оттолкнули.

– Отвали, чувак, – сказал Ченс.

Шипящий голос продолжил:

– Восточная сторона болота. Взгляни и найдешь.

– Можно подумать, мне...

– Мертвое, – перебил его Шипящий. – Кое-что очень-очень мертвое. – Смешок. – Чувак.

И связь оборвалась прежде, чем Ченс успел сказать ему, чтобы он засунул свое «кое-что мертвое» в...

Голос от двери спросил:

– Ну, как дела?

Лицо у Ченса все еще горело, но он опять напустил на себя вид Мистера Искренность и поднял взгляд.

В дверях стоял Дабофф в футболке с эмблемой «Спасем Болото», дурацких шортах, слишком сильно открывавших его тощие белые ноги, и пластиковых сандалиях, совершенно по-тупому выглядевших на старике с седой бородой.

– Здравствуйте, мистер Дабофф, – ответил Ченс.

– Привет-привет. – Дабофф отсалютовал ему, подняв кулак. – Ты взглянул на цапель перед тем, как прийти сюда?

– Пока нет, сэр.

– Невероятные птицы. Величественные. Вот такой размах крыльев. – Он вытянул в стороны морщинистые руки.

«Зря ты считаешь, будто мне есть до этого дело».

Дабофф подошел ближе; от него кошмарно воняло органическим дезодорантом, который он пытался всучить еще и Ченсу.

– Совсем как птеродактили. И умелые рыболовы.

Ченс полагал, будто цапля – это и есть рыба, пока Дабофф не сообщил ему обратное.

Тот устроился поблизости от стола, обнажив в улыбке ужасные зубы.

– Богачи в Беверли-Хиллз не любят, когда в сезон кормления птенцов цапли прилетают и поедают их драгоценных карпов-кои. Кои – это извращение. Мутация, которой люди подвергли бурого карпа, перепутав все ДНК, чтобы получить эту дикую расцветку. Цапли – это сама Природа, великолепные хищники. Они кормят птенцов и восстанавливают истинный природный баланс. Чтоб эти типы из Беверли-Хиллз провалились, ага?

Ченс улыбнулся.

Должно быть, эта улыбка была недостаточно широкой, потому что Дабофф вдруг нахмурился.

– Ты ведь живешь не там, если я правильно помню?

– Нет, сэр.

– Ты живешь в...

– Брентвуде.

– В Брентвуде, – повторил за ним Дабофф, точно пытаюсь сообразить, что бы это значило. – Твои родители не держать карпов-кои?

– Нет. У нас даже собаки нету.

– Это хорошо с вашей стороны, – отозвался Дабофф, похлопав Ченса по плечу. – Они все равно что рабы, эти домашние питомцы. Вся эта идея ничем не лучше рабства.

Его рука по-прежнему лежала на плече Ченса, и тот задумался – может быть, этот тип педик?

– Ну да, – произнес он, слегка отодвигаясь.

Дабофф почесал колено, опять нахмурился и потер розовый волдырь.

– Остановился у болота, чтобы проверить, не накидали ли там мусора. Должно быть, там меня кто-то укусил.

– Обеспечивать едой братьев наших меньших – хорошее дело, – сказал Ченс.

Дабофф смотрел на него, словно пытаюсь понять, не морочит ли парень ему голову.

Ченс снова напустил на себя облик Мистера Искренность, и Дабофф, решив, что тот говорил от души, улыбнулся.

– Полагаю, ты прав... ладно, я просто подумал, что надо зайти и проверить, как у тебя дела, перед тем как твоя вахта завершится.

– У меня все отлично, сэр.

– Ладно, попозже я еще зайду.

– Эм-м, сэр... мне вроде как скоро уходить, – напомнил Ченс.

Дабофф улыбнулся.

– Ну да, конечно. В десять можешь закрывать офис. Я приду потом. – Он направился к двери, потом остановился и оглянулся. – Ты делаешь благое дело, Ченс, что бы ни сподвигло тебя на это.

– Совершенно верно, сэр.

– Зови меня Сил.

– Договорились, Сил.

– Ты ничего не хочешь мне передать? – осведомился Дабофф.

– Что именно, сэр?

– Были звонки или сообщения?

Ченс улыбнулся, сверкнув идеальными белыми зубами, которыми был обязан пяти годам посещения кабинета доктора Вассермана.

– Ничего не было, Сил, – с абсолютной уверенностью в голосе ответил он.

Глава 2

Бобу Эрнандесу были нужны деньги.

Ничто, кроме денег, не могло дать ему возможность выбраться из ситуации.

В пять часов утра «Тихоокеанские общественные склады» походили на заполненный туманом мусорный контейнер – словно одно из тех мрачных местечек, которые используют в качестве декораций к фильмам о серийных убийцах и наркоторговцах. Здание было открыто круглосуточно, но большинство ламп, которые должны были освещать проходы между отсеками, были выкручены, и аукционисту приходилось светить ручным фонариком.

В этот час еще никто до конца не проснулся, не считая этого азиата. Жалкое зрелище по сравнению с другими аукционами, на которых доводилось присутствовать Бобу. Только он, еще четыре человек и аукционист, седовласый тип по имени Пит в костюме и при галстукке. Костюм был коричневый и дешевый, а галстук висел мятой тряпкой. Этот тип напомнил Бобу одного из тех неудачливых адвокатов, которые болтаются вокруг здания городского суда, ожидая, когда им перепадет какое-нибудь дело.

Лос-анджелесские законники, совершенно не похожие на тех, которых можно увидеть в фильме «Закон Лос-Анджелеса». Или «Юристы Бостона», если уж на то пошло.

Боб хотел бы иметь дело только с симпатичными девушками-адвокатами, которые страстно защищали бы его – и после того, как спасут его задницу, не менее страстно предлагали бы ему уединиться где-нибудь вдвоем...

Вместо этого ему назначили Мэйсона Сото из отдела государственной защиты, который учился в Беркли и три раза за разговор упомянул об этом. Пытался подружиться с Бобом, словно они были в детском саду, говорил об иммиграции, о «Ла раса»⁴.

Мэйсон Сото вырос в Сан-Франциско и считал, что страна должна открыть границы для всех. Боб рос в Западной Ковине. Его отец был из семьи мексиканцев, перебравшихся в Америку три поколения назад, и, отслужив в морской пехоте, устроился пожарным. Мать была из семьи шведских эмигрантов, живших в США уже четыре поколения, и работала в полиции диспетчером. Оба брата Боба стали копами, и вся семья, включая его самого, считала, что люди должны играть по правилам, а тех, кто этого не делает, следует отправлять куда подальше пинком под зад.

Он говорил Сото: «Я вас слушаю», – надеясь, что это заставит адвоката приложить побольше усилий; тогда не придется выплачивать штрафы за нарушение правил дорожного движения, а также за неявку в суд.

В течение всего заседания Сото шелкал клювом, и в итоге Боба приговорили к огромному штрафу и десяти дням заключения в окружной тюрьме, которые потом сократились до пяти, а затем и вовсе до одной-единственной ночевки в камере, поскольку тюрьма была переполнена. Но, черт побери, одного дня в этой адской дыре было более чем достаточно.

Штраф был куда более тяжелой проблемой. Три с половиной тысячи баксов, которые ему нужно было где-то найти за шестьдесят дней; но случайные заработки все никак не подворачивались, и ему даже нечем было заплатить за жилье. Не говоря уже об алиментах. Если Кэти решит доставить ему неприятности, он влип.

Боб скучал по детям, живущим сейчас в Хьюстоне у родителей Кэти.

Честно говоря, он скучал и по Кэти.

И он сам был во всем виноват. Нечего было перепихиваться с женщинами, на которых ему было совершенно плевать, – он до сих пор не понимал, зачем это делал.

⁴ «Ла раса насьон» (*исп.* La Raza Nation, LRZ) – преступная группировка, действующая в США; основана в 1972 г. Цвета группировки – зеленый, белый и красный (так же, как у мексиканского флага).

Пятьсот долларов Боб взял в долг у матери, сказав, что они пойдут на уплату штрафа. Но городские власти не принимали выплаты по частям, поэтому ему нужно было найти какой-то заработок, чтобы отдать деньги за жилье и выплатить сумму штрафа.

Вчера ему перезвонили из компании по перевозке деревьев в Согасе и сказали, чтобы он приехал и заполнил анкету, – может быть, что и подвернется.

А пока что Боб делал все, что мог. Поднялся в четыре часа утра и выехал из Альгамбры в Плайя-дель-Рей, чтобы быть возле складского здания, когда оно откроется.

Он прочел о заброшенном аукционном складе несколько месяцев назад в Интернете и забыл об этом – до тех пор, пока на него не свалилась необходимость выплачивать штраф. Боб был не настолько глуп, чтобы считать, будто ему повезет наткнуться на одно из тех сокровищ, о которых пишут в газетах, – бейсбольную карточку Хонуса Вагнера или редкую картину. Он связывал все свои надежды с «И-бэй». Потому что там люди могут купить все, что угодно. На «И-бэй» ты можешь продать даже образец табуретки с витрины магазина.

Пока что Боб посетил четыре аукциона, доехав до самой Голеты, – но это обернулось только лишними расходами. Однако он наткнулся на золотую – серебряную, если точнее – жилу почти рядом с домом.

Помещение на складе в Пасадене, размером семь на семь футов, заставленное аккуратно запечатанными коробками. В большинстве из них оказалась старая потрепанная одежда, которую Боб в конце концов бросил в ящик для пожертвований неимущим. Но, помимо того, там нашлись несколько пар джинсов с дырами тут и там, по новой моде, и стопка футболок с эмблемами рок-групп восьмидесятых годов – они хорошо раскупались на «И-бэе».

И сумка. Небольшой мешочек из синего бархата с надписью «Краун ройял», полный монет, включая пятицентовики с головой индейца и несколько серебряных долларов. Боб толкнул их все скупщику монет в Санта-Монике и получил двести двадцать баксов. Это была фантастическая прибыль, учитывая, что за все содержимое лота он заплатил лишь шестьдесят пять.

Боб подумал о том, чтобы вернуть долг матери, но решил обождать до тех пор, пока все не будет улажено.

Его одолевала зевота, глаза закрывались. Аукционист Пит кашлянул, затем сказал:

– Итак, следующий лот: четырнадцать пятьдесят пять.

Все потянулись вдоль по сумрачному коридору к одной из запертых дверей, через равные промежутки видневшихся в бетонной стене.

Хлипкие двери с хлипкими замками; Боб мог бы вышибить любую из них пинком. За хранение склад получает две сотни в месяц, к слову о прибыли из воздуха.

– Четырнадцать пятьдесят пять, – без всякой необходимости повторил Пит. Потирая красный нос, он перебирал ключи, собранный в связку.

Остальные участники торгов изо всех сил старались выглядеть незаинтересованными. Две коренастые пожилые женщины с волосами, заплетенными в косы, были похожи, словно сестры, – может быть, даже близнецы. Они купили опечатанный корабельный сундук за сорок восемь баксов. Позади них стоял высокий тощий тип, напоминающий металлиста, в майке с эмблемой группы «Эй-си-ди-си», штанах из искусственной кожи и высоких мотоциклетных ботинках. Его жилистые руки были почти сплошь покрыты синими татуировками. Он выиграл последние два лота: за сто пятьдесят долларов приобрел комнату, полную грязных, изрядно помятых книг в бумажных обложках, и за тридцать – какой-то ржавый хлам.

Последним из участников был азиат, в возрасте от тридцати до сорока лет, атлетического вида, в безупречно чистой темно-синей рубашке-поло, отглаженных черных штанах и черных спортивных туфлях без носков. Пока что он не выторговал ничего. Этот тип, свежее-

выбритый и пахнущий лосьоном, приехал на «БМВ» с откидным верхом, и вид у него был весьма солидный. Боб гадал – может быть, это какой-то скупщик произведений искусства, наделенный хорошим нюхом?

Надо бы к нему присмотреться.

Пит нашел ключ от помещения номер 1455, снял замок и, открыв дверь, предупредил: – Не заходить, частная собственность. – Каждый чертов раз он твердил одно и то же.

Из-за каких-то диких законов штата брошенные вещи принадлежали владельцу до того момента, пока их не купят. И это означало, что к ним нельзя подойти или потрогать их, пока ты их не купишь. А тогда право владельца испарялось, словно плевков на раскаленной крыше.

Боб никогда не понимал такую юридическую систему. Когда с ним толковали законники, они с тем же успехом могли говорить по-марсиански.

Пит обвел лучом фонарика содержимое тесной каморки. Боб слышал о людях, которые незаконно проводили в такие складские ячейки электричество и жили там, однако не верил в такие рассказы. Это надо быть совсем чокнутым.

– Итак, – произнес Пит, – начнем торги.

– Не могли бы вы посветить еще раз? – попросил азиат.

Пит нахмурился, но выполнил просьбу. Каморка была почти пуста, не считая велосипедной рамы и двух черных мусорных мешков.

Пит снова кашлянул:

– Вы увидели все, что хотели?

Азиат кивнул и повернулся к двери спиной. Может быть, он просто притворялся, намереваясь влезть в торг в последний момент. А может быть, его действительно не интересовало содержимое.

Боб не видел смысла торговаться за это. Пока что, насколько он видел, в мешках для мусора был в основном мусор. Хотя ему нужно что-то выставить на «И-бэй», так что если никто не будет делать ставок и ячейка уйдет достаточно дешево...

– Делайте ставки, – сказал Пит и без паузы затараторил: – Пятьдесят, кто даст пятьдесят, пятьдесят, пятьдесят долларов.

Молчание.

– Сорок, сорок долларов, торгуемся за сорок, металлическая рама за сорок долларов. – Однако скороговорка его звучала без всякого энтузиазма. Пока что его комиссионные не достигли и цены отбивной в ресторане.

– Сорок? Никто не даст сорок? Тридцать пять, тридцать пять...

Не оборачиваясь, азиат бросил:

– Двадцать, – и Боб уловил в его голосе нечто... не то чтобы хитрое, скорее расчетливое.

Прикинув, что металл велосипедной рамы может кое-чего стоить – да и педали могут пригодиться кому-нибудь на замену, – Боб заявил:

– Двадцать пять.

Тишина.

– Тридцать пять? – начал Пит. – Кто даст тридцать, поднимем до тридцати, тридцать долларов...

– Есть, – перебил его азиат, пожав плечами, как будто ему было все равно.

Боб подождал, пока Пит затараторит снова, потом поднял ставку до тридцати пяти.

Азиат наполовину обернулся.

– Сорок.

– Сорок пять, – сказал Боб.

Пожилые женщины, похоже, заинтересовались. «Ох ты...» Но пока что стояли, не переходя к действиям. Металлист сместился поближе к открытой двери.

– Пятьдесят, – прошептал он.

– Шестьдесят, – поднял ставку азиат.

Атмосфера в коридоре стала напряженной и бодрой, как будто все хлебнули по чашке крепкого кофе.

Азиат достал смартфон «Блэкберри», прочел что-то на экране и выключил устройство.

Может быть, этот велик суперредкий, и даже рама от него принесет хорошие денежки. Боб слышал, что старые велосипеды «Швинн» – вроде того, который он выкинул, когда достиг шестнадцатилетия и получил права на вождение мотоцикла, – сейчас уходят за бешеные бабки.

– Шестьдесят пять, – сказал металлист.

Азиат поколебался.

– Семьдесят, – обронил Боб.

– Семьдесят пять, – поддал азиат.

– Восемьдесят, – едва ли не выкрикнул Боб. Все смотрели на него. Азиат пожал плечами.

Пит посмотрел на металлиста, который уже шагнул прочь, на ходу потирая татуировки.

– Восемьдесят долларов за этот лот, – зачастил он. – Кто даст восемьдесят пять? Восемьдесят пять долларов, поднимаем до восьмидесяти пяти? – Никто не спешил поднимать ставку. – Восемьдесят долларов раз, восемьдесят долларов два... продано за восемьдесят.

Он ударил пластиковым молоточком по своей планшетке, нацарапал что-то на прикрепленном к ней листке бумаги и обратился к Бобу:

– Вы выиграли аукцион за эту ячейку. С вас восемьдесят баксов наличными.

И он протянул испещренную старческими пятнами руку за деньгами.

Все заулыбались, как будто это была какая-то тайная шутка, адресованная Бобу. Что-то холодное и скользкое заворочалось у него в животе.

– Наличные, сэр, – поторопил его Пит.

Боб полез в карман.

* * *

Позже, на стояке, загружая мешки и половину велосипеда в свой грузовичок, он перехватил азиата до того, как тот уселся в свой «бимер».

– Вы часто этим занимаетесь?

– Я? – Мужчина вежливо улыбнулся. – Вообще-то в первый раз. Я анестезиолог, и мне нужно быть в больнице Марина-Мерси к шести часам утра. Я решил, что это поможет мне проснуться. И действительно помогло.

– Почему вы торговались за лот четырнадцать пятьдесят пять?

Этот вопрос, казалось, удивил азиата.

– Я собирался то же самое спросить у вас.

* * *

Боб вернулся домой к семи; над араукариями, растущими перед многоквартирным домом, где он обитал, жужжали мухи, сквозь пыльные окна в квартиру проникало безжалостное солнце. Боб сгрузил мешки на пол в своей неприбранной маленькой гостиной.

Он решил, что надо бы немного поспать, потом опрокинуть первый за день стакан «Кровавой Мэри», затем прошерстить свою добычу, а затем позвонить в компанию в Согасе.

Он рухнул на кровать, не снимая пропыленной одежды, в которой был на аукционе, и закрыл глаза.

Подумал о Кэти. О штрафе. О том, что говорят за его спиной его братья.

Поднялся, взял кухонный нож и вспорол первый мешок.

Внутри были коробки с играми – «Монополия», «Скрэббл», «Риск», – но в них не было ни фишек, ни карточек; ничего, кроме досок с полями, да и то помятых.

Отлично.

Во втором, более тяжелом мешке, обнаружились пожелтевшие газеты. Пресса. Зачем кому-то понадобилось платить за хранение этого дерьма?

Ощущая нарастающую боль в желудке, Боб уселся на пол и начал перерывать многодневные стопки «Лос-Анджелес таймс». Ничего по-настоящему старинного, никаких исторических заголовков, только новости и тупая реклама, которую суют повсюду.

О черт, лучше бы он не вылезал из постели...

Вслух обозвав себя идиотом, Боб изучил останки велосипеда.

Дешевый хлипкий хлам. На том, что осталось от руля, красовалась табличка «Made in China», а раму Боб мог бы согнуть голыми руками.

Он прошел в кухонный закуток, смешал себе «Кровавую Мэри», сел на пол и с отвращением выпил. При мысли о зря потраченных восьмидесяти баксах навалилась неимоверная усталость, однако валяющиеся в гостинной мешки с хламом каждую секунду напоминали ему, какой он дурак.

«Надо выкинуть все это барахло в контейнер».

Прикончив выпивку, Боб с трудом поднялся на ноги, побросал газеты во второй мешок и поднял его.

На дне мешка что-то загремело.

«Может быть, почудилось?» Он с силой встряхнул мешок.

Стук-стук-стук – словно один из тех маракасов, которые продавали на Оливера-стрит. Кэти еще купила пару маракасов во время одного из первых свиданий с Бобом. Почему бы и нет? Он был наполовину мексиканцем, так что ему наполовину должно было нравиться это.

Порывшись в газетах, Боб добрался до дна мешка и обнаружил источник стука.

Деревянная шкатулка, темная и блестящая. Длинной с обувную коробку, но шире, с инкрустацией из латунных завитков, покрытая слоем лака, она была закрыта на маленькую латунную защелку.

«В самый раз для “И-бэй”!» Сама шкатулка... ее можно назвать экзотической, привезенной откуда-то издалека; может быть, сочинить целую историю, как она попала к нему из... Малайзии? Нет, что-то более загадочное, где там у нас гора Эверест – в Тибете?.. Из Непала, да.

Экзотическая коробка – экзотический ларец для украшений – из гор Непала, сделанный из тщательно выбранного на склонах... похоже на красное дерево, это можно обыграть... из тщательно выбранного на склонах красного дерева. Быть может, с пометкой «Купите сейчас» за сто или сто тридцать долларов. А теперь посмотрим, что внутри. Даже если это всего лишь сухая фасоль, какая разница? Одна только шкатулка означала, что он уже не идиот.

Боб откинул латунную защелку и поднял крышку. Внутри был поддон, обтянутый золотистым бархатом. Пустой; стук доносился из-под него.

Боб вынул поддон, открыв нижнее отделение. Внутри лежали... маленькие белые узловатые штуки.

Он поднял одну. Гладкая и белая, с тонким концом, – и внезапно Боб понял, что это такое.

Хотя в биологии он никогда не был силен, однако в колледже со второй попытки сдал ее на «удовлетворительно».

Кость.

Из кисти руки или из стопы ноги. Или из лапы.

Множество маленьких костей, так много, что они почти до отказа заполнили отделение и почти не гремели.

Примерно... три-четыре десятка.

Боб сосчитал их.

Сорок две.

Он изучил собственную кисть. Три косточки в каждом из четырех прямо поставленных пальцев и две – в большом, итого – четырнадцать.

Из трех рук. Или из трех лап. Нет причин считать, что эти кости не принадлежали какому-то животному. Потом Боб подумал, что эти кости, возможно, были взяты у скелетов, которые использовались в медицинских учебных заведениях. Иногда люди завешали свои скелеты для научных целей. Эти тела расчленили и изучали, а потом восстанавливали скелеты, скрепляя кости проволочками.

Нет, в этих костях не было отверстий для проволоки. Странно.

Боб взял одну из самых мелких косточек и приложил к ногтевой фаланге своего указательного пальца.

Не такая длинная, как у него.

Может быть, это кость небольшой собаки. Или женщины. Или ребенка...

Нет, это слишком... должно быть, собачья. Или кошачья. Сколько костей в лапе?

У кошки они слишком маленькие.

Собака средних размеров, как Альф. Да, Альфу эти кости были бы в самый раз.

Живя в Далласе с Кэти, Боб скучал по Альфу.

Закрывая защелку, он думал обо всем этом.

Коробка загремела.

«Кости».

Надо провести исследование в Интернете. Быть может, можно продать это как собрание редкостей – с каких-нибудь археологических раскопок индейского поселения. Где-нибудь в... Юте. Или в Колорадо. Колорадо звучит более... экзотически.

«Древняя коллекция экзотических костей».

Подобные штуки хорошо идут на «И-бэй».

Глава 3

Благодаря новому начальнику полиции должность Майло получила забавное название: «Следователь по особым делам в чине лейтенанта». Или, как говорил сам Майло, «фу-ты-ну-ты-перья-гнуты-подсадной-селезень». Сводилось это к тому, что он уклонялся от большинства бумажной работы, сопряженной с его званием, сохранил свой тесный кабинет в отделении Западного Лос-Анджелеса и продолжал расследовать убийства, если только ему не звонили из центрального офиса и не направляли куда-нибудь еще.

За последние четырнадцать месяцев таких звонков было два, и оба касались перестрелок между бандами – эти дела находились в ведении отделения Рэмпарт. Никакого отношения к расследованиям по особым делам они не имели, однако до начальника, все еще не освоившегося в Лос-Анджелесе, дошли слухи о недавних случаях коррупции в Рэмпарте, и он хотел подстраховаться.

Слухи оказались ложными, и Майло занимался в основном тем, что старался не путаться под ногами. Когда оба дела были закрыты, начальник настоял на том, чтобы в рапорты внесли фамилию его подчиненного.

«Хотя от меня было столько же пользы, как от слепого стрелка по тарелочкам, это сделало меня достаточно известным».

Несложная метафора: в то утро, когда он изрек ее, мы вдвоем палили по летающим тарелочкам на стрельбище в Сими-Вэлли.

Конец июня, сухая жара, синее небо, буровато-зеленые холмы. Майло задействовал все активируемые голосом мишени на пяти позициях и выбил 80 процентов без особых усилий. В прошлом году он противостоял вооруженному психопату, и в левом плече у него до сих пор сидело некоторое количество дробы.

Я опустошил целую коробку патронов, прежде чем случайно попал в один из ярко-зеленых дисков, подброшенных автоматикой вверх. Когда я убрал на место «Браунинг» и сделал глоток теплой газировки, Майло заметил:

– Когда стреляешь, ты закрываешь левый глаз.

– И что?

– И то, что ты можешь быть правой, но с ведущим левым глазом, и это сбивает тебя с толку.

Он заставил меня сложить из ладоней треугольник и разместить пальцы так, чтобы мертвое дерево к востоку от нас оказалось в промежутке между ними.

– Закрой левый глаз. Теперь правый. Когда оно смещается сильнее?

Я знал этот тест на ведущий глаз и даже проводил его много лет назад, будучи интерном по специальности «психотерапия» и исследуя асимметрию функций головного мозга при обучении детей-инвалидов. Но я никогда не проводил его на себе. Результат меня удивил.

Майло засмеялся.

– Твои глаза тебя обманывали. Теперь ты знаешь, что делать. И прекрати ненавидеть эту чертову штуку.

– О чем ты? – спросил я, хотя точно знал, что он имеет в виду.

– Ты держишь его так, словно хочешь побыстрее от него избавиться. – Он взвесил в руках дробовик и передал его мне. – Обними его и наклонись вперед... да-да, вот так.

Я стрелял из пистолетов и длинноствольного оружия, когда это требовалось. Хотя огнестрельное оружие любил не больше, чем лечение у стоматолога, однако ценил полезность и того, и другого.

Дробовики, с их изящной убойной простотой, относились к иной категории. До сегодняшнего дня я избегал их.

«Ремингтоны» двенадцатого калибра были любимыми игрушками моего отца. «Винг-мастер» с помповым взводом, приобретенный на полицейском аукционе, стоял в углу отцовского шкафа, почти всегда заряженный.

Точно так же, как отец почти всегда был «под мухой».

Каждое лето – в конце июня – он брал меня с собой охотиться на белок и мелких птиц. Стрелять по мелким зверушкам из абсурдно мощного оружия, потому что он хотел лишь одного – нести смерть. Он заставлял меня отыскивать кровавую пыль и приносить ему осколки костей, клювы или когти, потому что я был послушнее, чем собака. И боялся перепадов его настроения сильнее, чем боялась бы любая собака.

Кроме того, мне полагалось держать рот на замке и таскать его камуфляжную сумку со снаряжением. В ней, помимо набора для чистки ружья, коробок с патронами и старого номера «Плейбоя» с загнутыми уголками, лежали посеребренная фляжка с виски, клетчатый термос с кофе и запотевшие банки пива «Блю риббон».

По мере того, как день клонился к закату, дыхание отца все сильнее пахло алкоголем.

– Готов, Зоркий Глаз? – спросил Майло. – Закрой правый, открой левый и наклонись... сильнее, еще сильнее, стань частью оружия. И вперед. Давай. Не целься, просто направь ствол. – Он обвел взглядом стрельбище. – Пли!

Полчаса спустя он заявил:

– Ты выбил больше, чем я, приятель. Вот это монстра я создал!

* * *

В половине одиннадцатого мы грузили снаряжение в багажник моей «Севильи»⁵, и тут мобильник Майло сыграл первые шесть нот песни «Мой путь».

Майло поднес телефон к уху, следя за полетом краснохвостого ястреба. На его широком бледном лице появилось напряженное выражение.

– Когда... ладно... через час. – Он нажал кнопку отбоя. – Пора направляться обратно к антицивилизации. Поехали, и побыстрее, пожалуйста.

Когда мы выехали на трассу 118 и направились на восток, он пояснил:

– В Птичьем болоте в Плайя найден труп, какой-то волонтер обнаружил его вчера вечером. Тихоокеанское отделение занимается этим.

– Но... – начал было я.

– В Тихоокеанском отделении не хватает людей из-за «проблем с подавлением активности банд». Единственный, кто свободен, – какой-то новичок, которого Его Высочество желает «улучшить».

– Проблемный ребенок?

– Кто знает? Во всяком случае, такова официальная версия.

– Да, вот и гадай, что бы это значило.

Майло убрал прядь черных волос с испещренного мелкими рытвинками лба, вытянул ноги, провел ладонью по лицу, словно умываясь без воды.

– Болото – вопрос политический, верно? А наш шеф – политик.

* * *

Пока мы ехали обратно в город, он уточнял детали по телефону и составлял краткое описание.

⁵ Модель автомобиля производства компании «Кадилак».

Недавнее убийство, белая женщина, от двадцати до тридцати лет, странгуляционная борозда на шее.

Кисть правой руки отсутствует, разрез хирургически точны.

– Одно из этих, – произнес Майло. – Держи оба глаза широко раскрытыми, Доктор.

* * *

Птичье болото занимало два акра в полумиле к востоку от океана и представляло собой нелегкий компромисс треугольной формы. Здесь пересекались бульвары Калвера, Джефферсона и Линкольна. Все три стороны треугольника выходили на многополосные улицы, над южным краем нависали откосы, застроенные жилыми домами; со стороны Лос-Анджелесского аэропорта то и дело доносился механический гром.

Топи располагались в углублении, похожем на чашу; его края скрывали болото от взглядов проезжающих автомобилистов. Припарковавшись на другой стороне улицы, я увидел лишь выгоревшую на солнце траву и вершины ив и тополей в отдалении. В Лос-Анджелесе то, чем нельзя полюбоваться из окна несущейся машины, словно бы и не существует, и федеральный закон об охране флоры и фауны, запертой посреди всего этого прогресса, никак не мог добраться сюда.

Пять лет спустя киностудия, которой владела горстка самозванных прогрессивных миллиардеров, попыталась купить эту землю, чтобы устроить тут «природоохранную» съемочную площадку за счет средств налогоплательщиков. Этот план, тщательно скрываемый от общественности, продвигался в хорошем темпе, как всегда бывает, когда большие деньги встречаются с маленькими мозгами. Потом желчные сплетники все же прознали об этом и накинулись на «заговорщиков», словно бешеные росомahi, вынудив тех наперебой отказываться от заключенных ранее договоренностей, лишь бы не оказаться запачканными этим скандалом.

Вскоре после этой успешной атаки сформировалась добровольческая Организация спасения Болота, приняв в дар от миллиардеров две «Тойоты Приус». И до сих пор ни один бульдозер на эту территорию въехать не посмел.

Я выключил двигатель, и через несколько минут мы с Майло получили возможность насладиться пейзажем. Небольшие аккуратные указатели, сделанные из досочек и напоминавшие о летних скаутских лагерях, находились слишком далеко, чтобы можно было прочитать выжженные на них надписи. Прошлым летом мы с Робин побывали здесь, и я знал, что эти знаки разрешают уличную парковку, – но сейчас в подобной милости полиция не нуждалась, хватало оранжевых конусов и желтой ограждающей ленты.

Надпись на большом белом щите предписывала пешеходам не сходить с тропы и не беспокоить животных. Мы с Робин тогда пошли прогуляться, но тропа охватывала менее одной пятой периметра болота. В тот день я увидел тощего бородатого старика с нагрудным знаком «Спасем Болото» и спросил его, почему нельзя подойти к берегу. «Потому что люди – враги», – ответил он.

– Вперед, – сказал Майло, и мы перешли улицу. Полицейский, стоящий перед заграждением, выпятил грудь, словно голубь в брачный сезон, и преградил нам путь, выставив ладонь. Нагрудный значок Майло сверкнул золотом, коп произнес: «Сэр!» – и отступил в сторону. Вид у него был такой, словно его обманули.

Между конусами были припаркованы две машины – белый фургончик выездного патологоанатома и серый «Форд Эксплорер» самого обычного вида.

– Тело увезли вчера ночью, но следственная бригада зачем-то вернулась, – заметил я.

– Занятно.

В сотне футов к северу еще два полицейских выбрались из кустов и вскарабкались по склону на тротуар. Затем появился коренастый широкоплечий мужчина в брюках цвета хаки, отряхивавший мусор с лацканов своего синего блейзера.

Человек в блейзере внимательно рассматривал нас, но Майло, проигнорировав его, усталился вдаль, на жилые дома.

– Там минимум сотни квартир, Алекс. Всем этим людям из окон отлично видно болото, но кто-то все же решил утопить здесь тело...

– Всем этим людям отлично видно ничего, – возразил я.

– Почему ничего?

– Вокруг болота нет фонарей. После заката здесь темным-темно.

– Ты бывал здесь ночью?

– На Плайя-дель-Рей есть магазин гитар, где время от времени проводят концерты. Несколько месяцев назад я ходил туда послушать фламенко. Я ушел в девять или полдесятого, и тут не было ни души.

– Темным-темно, – повторил он. – Почти первозданный уголок природы, сохранившийся здесь...

Я рассказал ему о том, как был тут в дневное время и о том, что подходы к болоту ограничены.

– Пока ты здесь бродил, тебе не попадался зловещего вида тип, ошивающийся вокруг болота, который предъявлял бы всем крупно напечатанный бейджик со своим именем и предлагал взять у него образец ДНК?

– Извини, это слишком редкий вид, даже здесь вряд ли водится.

Майло засмеялся и снова изучил застроенную домами горку. Потом повернулся и окинул взглядом болото. Копы по-прежнему были неподалеку, но человек в синем блейзере исчез.

– Тут полно птиц, лягушек и прочей живности, но рассказать нам о том, что случилось, никто не может.

* * *

Мы пролезли под ограждение и направились к белому флагу, развевавшемуся на высоком металлическом шесте. Шест был укреплен примерно в пяти футах от тропы – воткнут во влажную землю достаточно глубоко, чтобы не падать. Но несколькими ярдами дальше земля превращалась в затянутую рясой топь.

Тропа тянулась еще чуть дальше, затем делала резкий поворот. Из-за поворота доносились голоса, и, проследовав туда, мы узрели три фигуры в белых пластиковых комбинезонах, сидящие на корточках в мелкой воде. Их частично скрывали из глаз заросли осоки и камыша.

Погружение в воду замедляет разложение, но сырость в сочетании с доступом воздуха могут ускорить его. Аналогично действует и тепло, а в нынешнем июне было жарко, как в июле. Я гадал, в каком состоянии был труп.

И не был готов к тому, чтобы думать о том, кем этот труп был когда-то.

Из-за второго поворота возник мужчина в блейзере и направился к нам, на ходу снимая зеркальные очки. Молодой, с грубоватым лицом и светло-русыми коротко стриженными волосами.

– Добрый день, лейтенант. Я – Мо Рид из Тихоокеанского отделения.

– Здравствуйте, детектив Рид.

– Лучше просто Мо.

– Это доктор Алекс Делавэр, наш консультант-психолог.

– Психолог? – переспросил Рид. – Это из-за руки?

– Это потому, что никогда не знаешь, что понадобится, – ответил Майло.

Рид пристально посмотрел на меня, затем кивнул. Без очков его глаза оказались ясными, круглыми и младенчески голубыми. Блейзер прямого покроя делал его фигуру более коренастой, чем на самом деле. Брюки цвета хаки с отворотами аккуратно отглажены, белая рубашка явно только что из стирки, на шее сине-зеленый галстук, а на ногах – коричневые ботинки-«оксфорды» с мелкорифленой подошвой.

Он был одет, как пожилой преподаватель колледжа, однако ему не исполнилось еще и тридцати, а телосложением – крепкая выпуклая грудь, чуть коротковатые руки и ноги – он напоминал скорее борца. Волосы цвета ячменной соломы обрамляли его круглое гладкое лицо; пахло от него, как от отдыхающего на пляже, – только что нанесенным спреем от солнечных ожогов. Похоже, кожа у него была чувствительная: небольшой участок на левой щеке он пропустил, и на этом месте уже начал образовываться солнечный ожог.

Наше внимание привлек звук захлопнувшейся автомобильной дверцы. Из фургончика патологоанатома вылезли два санитара. Один зажег сигарету; второй смотрел, как его напарник курит. Майло взглянул на женщину в белом комбинезоне, сидящую в воде.

– Специалисты по следственной антропологии, – пояснил детектив Мо Рид.

– Тело было закопано?

– Нет, сэр, его оставили у берега, даже не попытавшись спрятать. На нем также были оставлены документы. Селена Басс, проживала в Венеции. Я ездил по указанному адресу сегодня в семь утра. Это переделанное из гаража жилье, дома никого не было. В любом случае, по словам антропологов, видимость в воде очень плохая, поэтому я решил, что нужно привлечь кого-нибудь из К-9⁶ и поискать поблизости отделенную от тела руку. Мы ее не нашли, но собака неплохо порезвилась. – Рид потер крыло носа. – Оказалось, что есть некоторые сложности.

* * *

Собака породы бельгийский малинуа, по имени Эдит («сыскная собака, специализируется скорее на живых людях, чем на трупах, однако, похоже, это не всегда имеет значение») прибыла со своим проводником в половине второго ночи, обнюхала сырую почву, затем бегом бросилась вглубь территории болота. Остановившись в тридцати футах южнее того места, где лежал труп, Эдит спрыгнула на выступающий над водой край углубления в соленоватой глинистой грязи футах в шести от берега.

Замерла на месте. Залаяла.

Когда сопровождающий замешкался, она начала выть.

Ей приказали вернуться на берег, но собака продолжала сидеть на выступе. Проводник попросил принести ему болотные сапоги. Это заняло еще полчаса, и собака оставалась на месте в течение десяти минут, а потом вдруг куда-то помчалась.

И, тяжело дыша, уселась на другой точке, еще дальше вглубь болота.

– Казалось, она очень гордится собой, – рассказывал Мо Рид. – И похоже, на то была причина.

* * *

К пяти часам утра были обнаружены еще три трупа.

⁶ К-9 – кинологическое подразделение, обычная выездная единица – собака с сопровождающим.

– Остальные представляют собой в основном кучу костей, лейтенант, – пояснил Рид. – Возможно, это какой-то индейский похоронный ритуал.

Водитель одной из машин подошел ближе и возразил:

– Судя по запаху, к древней истории это никакого отношения не имеет.

– Может быть, это природный газ.

Тот ухмыльнулся:

– Или чили, который кто-то съел на обед. Или бобы, растущие на болоте.

– Я сообщу вам, когда уезжать, – сказал Мо Рид и повел нас к троице антропологов.

Женщины, стоя почти по пояс в буро-зеленой воде, что-то громко обсуждали, стоя около еще одного недавно установленного шеста с белым вымпелом – флаг безжизненно висел в неподвижном теплом воздухе. Если они нас и заметили, то не подали вида. Мы пошли дальше. За следующим поворотом показались еще два флага. Словно какое-то странное поле для гольфа.

Мы повернули обратно. Две антропологички были молоды – одна белая, другая чернокожая. Обе прятали пышные волосы под одноразовыми пластиковыми шапочками. Третья женщина, в возрасте, с коротко стриженными седыми волосами, увидела Рида и махнула ему рукой.

– Здравствуйте, доктор Харгроув. Есть новости?

– В обычной ситуации мы сделали бы разметку для раскопок, но это природоохранная территория, и я не знаю, что мы можем предпринять.

– Я попытаюсь узнать.

– Нам уже позвонили из офиса волонтерской организации, скоро кто-то должен прийти. Что важнее, почва местами такая мягкая – я бы даже сказала, жидкая, – что, боюсь, от наших действий будет больше вреда, чем пользы, ведь нужно найти все, что только возможно найти. – Она улыбнулась. – По крайней мере, можно с уверенностью сказать, что это не зыбучие пески.

Девушки засмеялись. В руках у них поблескивали какие-то небольшие металлические инструменты.

– И что вы планируете делать, доктор Харгроув? – спросил Мо Рид.

– Нам понадобится некоторое время на изыскание. Возможно, лучшим вариантом будет постепенно подвести что-нибудь под то, что находится там, медленно поднять на поверхность, надеясь, что ничего не выпадет. Одно я могу сказать точно: находки не палеонтологические. Под нижней челюстью этой находки присутствует плоть, и ниже колен, вероятно, тоже. Кожа, которую нам удалось обнаружить, выглядит темной, но, возможно, это результат разложения.

– Свежий труп? – спросил Рид.

– Далеко не такой свежий, как тот, что нашли у берега, но точно я вам сказать не могу. Вода может замедлить или ускорить гниение, в зависимости от многих факторов. В образцах непосредственно с места наблюдается слабая кислотность, несмотря на большое количество органических частиц, но может присутствовать и некий смягчающий эффект – благодаря отдельным видам растительности, которые уменьшают воздействие кислотных дождей, продуктов разложения зелени и все такое. Я действительно не смогу сказать определенно, пока мы не извлечем и не изучим все.

– Мягкие ткани, – напомнил Рид. – Это значит, что труп недавний, верно?

– Возможно, но не обязательно, – возразила Харгроув. – Несколько лет назад в братской могиле в Пенсильвании откопали тело времен войны Севера и Юга. Бедный покойник оказался в бедном кислороде и влагой «кармане» вблизи подземных пещер, и на его лице сохранились кожа и мышцы. Ткани мумифицировались, но не все. Борода выглядела так, словно ее недавно подстригли.

– Невероятно, – произнес Рид, заметил, что чернокожая антропологичка следит за ним, и отвернулся. – А вы не можете сообщить мне свои предположения, доктор? Неофициально?

– Неофициально я сказала бы, что этим трупам нет и десяти лет. Ясно одно: у всех них отсутствует правая рука. Но мы еще не приступили к тщательному изучению; возможно, не хватает и других частей.

– Съедены животными? – предположил Рид.

– Вряд ли койоты или еноты стали бы нырять в болото, но кто знает... Некоторые крупные птицы – цапли, аисты, даже пеликаны или чайки – могли отхватить пару кусочков. Или это мог сделать человек – какой-нибудь собиратель необычных трофеев... Мы поднимем записи о погоде и попытаемся узнать, мог ли ветер спровоцировать волнение и изменение температуры воды.

– Сложное дело, – заметил Майло.

Харгроув усмехнулась.

– Мы этим живем, но вас, парни, мне жалко.

Чернокожая девушка, симпатичная, с лицом в форме сердечка и полными губами, что-то сказала Харгроув.

– Спасибо, Лиз, – ответила та и снова обратилась к нам: – Доктор Уилкинсон просила передать вам, что все три тела, похоже, были обращены лицом на восток. То, которое нашли на берегу, – тоже?

Рид задумался.

– Вообще-то, да. Интересно...

Доктор Уилкинсон возразила:

– С другой стороны, речь идет о маленькой выборке – небольшом количестве образцов, по которому мы пришли к столь значительным выводам.

– Четыре из четырех – вполне значительная выборка, док, – ответил Рид.

Уилкинсон пожала плечами. Вторая девушка, веснушчатая и розовощекая, заметила:

– На восток, как бы глядя на восходящее солнце? Какой-то ритуал?

– Лицом к Мекке, – фыркнула Харгроув и поморщилась. – Вряд ли это к чему-то нас приведет.

Рид по-прежнему смотрел на Лиз Уилкинсон.

– Спасибо за то, что поделились своим наблюдением.

Та поправила полиэтиленовую шапочку.

– Я просто решила, что вам следует это знать.

Глава 4

Мы с Ридом и Майло вернулись ко входу на территорию болота. Фургон патологоанатома уже уехал. Два полицейских, оставшихся охранять вход, похоже, отчаянно скучали. Один из них сказал:

- Стервятники отправились урвать кусочек.
- Есть какие-нибудь мысли, лейтенант? – спросил Рид.
- Похоже, у вас и так все схвачено.

Молодой детектив повертел в пальцах свои очки.

- Вот что я скажу: я рад любой помощи.

– Почему?

- Кажется, это дело для целой команды, верно?

Майло ничего не ответил, и солнечный ожог на щеке Рида сделался совсем алым.

- Сказать по правде, лейтенант, я отнюдь не Шерлок Холмс.

– Давно вы на этой работе?

– Я пришел в полицейский департамент после колледжа и стал детективом два года назад – сначала в Центральном отделе расследования краж. В отдел убийств меня перевели только в прошлом феврале.

- Поздравляю.

Рид нахмурился.

– С тех пор я вел два дела. Не считая этого, конечно. Одно было закрыто через неделю, но с этим мог справиться кто угодно, убийцей был полный идиот. Второе – исчезновение человека, полный «глухарь»; не думаю, что его когда-нибудь раскроют.

- Тихоокеанское отделение передает случаи с пропажей людей в убийный отдел?

– В целом – нет, – ответил Рид. – Когда вовлечены люди с большими связями, которым хотят угодить, но...

– У преступлений – свой собственный ритм, – заметил Майло. – Требуется время, чтобы войти в него.

Я видел, как он терял сон, набирал вес и испытывал перепады артериального давления из-за неразгаданных дел.

Рид изучал мягкую бурую болотную почву. Сверху спикировал коричневый пеликан, целясь массивным клювом куда-то вниз, потом передумал и повернул обратно к океану.

- Поговорим о Селене Басс, – предложил Майло.

Рид вытащил свой планшет.

– Женщина-европеоид, двадцать шесть лет, рост пять футов пять дюймов, вес сто десять фунтов, волосы каштановые, глаза карие. На нее зарегистрирована одна машина, «Ниссан Сентра» две тысячи третьего года; она стояла возле дома Селены, и, похоже, машину никто не трогал, так что об угоне речи нет. Никаких следов взлома. Возможно, жертва отправилась сюда с кем-то знакомым, но случилось что-то нехорошее.

- Где именно в Венеции находится ее дом?

Рид зачитал адрес: на Индиана-стрит, к югу от Роуз-стрит и к западу от бульвара Линкольна.

- Там орудуют банды, верно? – уточнил Майло.

– Пара-тройка. Если ее прикончили возле дома, ехать оттуда сюда было недалеко. Так что, конечно, можно было бы решить, что это обычная попытка избавиться от трупа. Но другие тела...

- Это тоже могут быть жертвы, жившие неподалеку.

– Дело об убийствах, совершаемых бандами?

- Или дело о маньяке, – дополнил Майло. – Выслеживает, преследует, убивает.
- Тогда связь проследить будет трудно. – Рид нахмурился.

Громкой «эй!» заставило нас обернуться.

К нам, размахивая руками, направлялся тощий кривоногий бородатый старик в белой футболке, коротких зеленых шортах с карманами и резиновых шлепанцах. Тот же тип, который три месяца назад обронил мрачное замечание по поводу того, что люди – враги.

- Эй! – повторил он.

Никто не ответил.

- Что происходит?

- Вы... – начал Мо Рид.

– Силфорд Дабофф, Организация спасения Болота. Это моя территория. Я должен присматривать за всем, что здесь творится.

- Ваша территория? – переспросил Рид.

- Всем остальным на нее плевать.

Рид протянул руку, и Дабофф неохотно пожал ее, словно боясь испачкаться.

- Что происходит?

– Происходит то, сэр, что сегодня утром отсюда вывезли труп молодой женщины, которую кто-то убил и оставил лежать на берегу болота. При обследовании местности мы нашли по меньшей мере еще три тела.

Силфорд Дабофф помрачнел.

- При обследовании? Вы копаете тут?

- Не очень интенсивно.

– Без разницы. – Дабофф заметил белый флаг, отмечавший место обнаружения трупа Селены. – Что это такое?

– Там мы нашли первую жертву, сэр. И, как я уже сказал, трупы трех других женщин. Убиты и утоплены в болоте.

Дабофф почесал бороду.

- Это катастрофа.

Рид снял солнечные очки. Его светло-голубые глаза были прищурены.

- Я бы тоже сказал, что четыре трупа – это катастрофа.

- Вы сказали «по меньшей мере, три». Вы предполагаете, что их может быть больше?

- Три – это то, что мы обнаружили на данный момент, мистер Дабофф.

- О, черт... а где остальные? Мне нужно это увидеть.

Дабофф направился было к флагу, но сильная рука Майло удержала его на месте.

- В чем дело? – осведомился старик.

- Доступ запрещен, сэр.

- Это совершенно неприемлемо.

- Это в высшей степени приемлемо. – Майло осклабился.

- И почему же? – спросил Дабофф.

- На месте обнаружения трупов работают сотрудники полиции.

- В каком смысле – работают?

- Изучают подробности.

Дабофф подергал себя за бороду.

- Это природоохранная зона; нельзя допустить, чтобы копы парковали свои грязные...

- Судебные антропологи, сэр.

- Антро... они тут копают? Я непременно должен поговорить с ними, сейчас же!

– Мы понимаем ваше беспокойство, мистер Дабофф. Но эти люди – ученые, и относятся к месту расследования с должным уважением.

- Это не просто место, это...

– Красивое место, – закончил за него Майло. – Уверяю, они не потревожат ничего, кроме улики.

– Это возмутительно!

– Как и любое убийство, сэр.

– Это намного хуже, – возразил Дабофф.

– Хуже, чем четыре трупа? – переспросил Рид.

– Я не... я понимаю, что здесь погибли люди. Но люди только и делают, что нарушают равновесие – копают, уничтожают; и эти убийства – идеальное тому доказательство.

– Доказательство чего?

– Мы постоянно убиваем природу, а потом гадаем, почему жизнь так жестока.

– Судя по всему, вы считаете, будто от людей один вред, – заметил я.

Дабофф уставился на меня, не выказав ни малейших признаков узнавания.

– По сути, я закоренелый мизантроп, но покамест не убил ни одно создание, дышащее кислородом. – Он указал на свои шлепанцы. – Органическая резина. – Потом снова взглянул на белый флаг. – Я хочу сказать, что нужно обеспечить сохранность этому мирному уголку природы, которые сейчас встречаются так редко.

– Похоже, покой этого уголка и так уже нарушен, – сказал Рид.

– Тогда давайте не усугублять это. Мне нужно поговорить с этими копальщиками.

Рид посмотрел на Майло. Тот заявил:

– Только после того, как вы ответите на несколько вопросов.

* * *

Он навис над Дабоффом и начал забрасывать его вопросами, которые, казалось, были никак не связаны между собой. Тот постепенно начинал злиться. И наконец Майло спросил о том, где Дабофф находился в последние двадцать четыре часа.

– Вы подозреваете меня? – возмутился тот.

– Сэр, нам необходимо получить ответ...

– Какое вам дело, где я был вчера вечером? Но ладно, мне совершенно нечего скрывать. Я был дома, читал. – Он вздернул подбородок. – Наслаждался перелистыванием журнала «Атне ридер»⁷, если вам это интересно.

– Вы живете один? – поинтересовался Майло.

Дабофф улыбнулся.

– Да, но у меня часто остается ночевать подруга. Умная, альтруистичная, эмоциональная женщина, которая сейчас находится в Севастополе⁸, на музыкальном фестивале «Зеленая нить». Когда произошло это убийство?

– Мы еще не определили это, сэр.

– Оно должно было случиться после восьми часов вечера, – заявил Дабофф, – потому что в восемь часов я останавливался возле болота, и, можете мне поверить, никаких трупов там не было.

– Как долго вы пробыли там?

– Я только по-быстрому проверил, нет ли на берегу мусора. После этого я купил сэндвич в круглосуточном магазине на бульваре Калвера. С зеленью и темпе, если вы хотите это знать. Потом заскочил в офис нашей организации, чтобы проверить, что поделявает наш волонтер. – Он фыркнул. – Богатенький сопляк, которого в наказание приговорили к обще-

⁷ «Атне ридер» – американский ежеквартальный журнал, перепечатавающий статьи из альтернативных периодических изданий на тему политики, культуры и проблем окружающей среды.

⁸ Севастополь (англ. Sebastopol) – город в округе Сонома, штат Калифорния, к северу от Сан-Франциско.

ственным работам. С ним все было в порядке, так что я оставил его, доехал до Санта-Моники и съел свой сэндвич на набережной Оушн-Фронт. Потом в десять минут одиннадцатого вернулся в офис, чтобы удостовериться, что сопляк запер его. И правильно сделал, потому что он об этом забыл. К половине одиннадцатого я был дома, читал «Атне».

– Вы нашли у болота какой-нибудь мусор? – поинтересовался Майло.

– В этот раз – нет... ах да, Альма – моя подруга – должна была позвонить мне из Себастопола в четверть двенадцатого. И позвонила.

– Ваш волонтер, – вмешался Мо Рид. – За что он был наказан?

– За какие-то делишки в школе, – ответил Дабофф. – Я не спрашивал, мне на это плевать. От него почти никакого толка, но и проблем никаких.

– Альма, – напомнил Рид, доставая планшет. – Назовите ее фамилию, пожалуйста.

Глаза Дабоффа грозно выкатились.

– Зачем вам разговаривать с ней?

– Стандартная проце...

– Ушам своим не верю. Я охраняю это болото, и вы шьете мне дело?

– Это несколько грубо с вашей стороны, сэр, – отозвался Рид.

– Грубо? А по-моему, нет.

– Альма... так как? – настаивал Майло.

– Да черт бы вас... ладно, ладно. Рейнольдс. Альма Рейнольдс. – Он на память назвал нам телефонный номер. – Довольны? А теперь пропустите меня.

* * *

Вслед за Дабоффом, который передвигался едва ли не бегом, мы проследовали к месту работы антропологов. Мо Рид догнал старикана и спросил, знакомо ли ему имя Селены Басс.

– Единственный *bass*⁹, до которого мне есть дело, – это полосатый окунь. К сожалению, его численность сильно уменьшилась из-за избыточной рыбной ловли в угоду американским обжорам.

– Люди, – произнес я, гадая, вспомнит ли он меня наконец.

– Эта песенка – полная чушь, – хмыкнул он. – Барбра совершенно ничего не поняла¹⁰.

* * *

Команда доктора Харгроув извлекла из болота несколько мелких кусков бурого цвета и разложила их на синем брезентовом полотнище, расстеленном на берегу. Все три женщины уже снова были в воде и, низко склонившись к поверхности, просеивали что-то, внимательно вглядываясь.

– Что это? – спросил Дабофф.

– Человеческие кости, – ответил Рид.

Дабофф приложил ко рту сложенные рупором ладони и гаркнул, обращаясь к ученым:

– Аккуратнее там, вы!

Женщины обернулись к нему.

– Этот джентльмен охраняет болото, – пояснил Майло.

– Не говорите об этом так небрежно, – прошипел Дабофф.

– Этот джентльмен делает важное дело, охраняя болото.

⁹ Bass (англ.) – окунь.

¹⁰ Отсылка к песне Барбры Стрейзанд «Люди» («People»).

– Сэр, мы чрезвычайно аккуратны, – сказала доктор Харгроув, – и стараемся ничего и никого не потревожить.

– Само ваше присутствие тревожит болото.

Харгроув, Лиз Уилкинсон и веснушчатая девушка уставились на него.

Дабофф снова бросил взгляд на кости.

– Сэр, нам нужно уйти отсюда и позволить им выполнять свою работу, – произнес Майло. – К слову сказать, вы где-нибудь работаете, мистер Дабофф?

– На что вы намекаете?

Майло не ответил.

– У меня была работа. В книжном магазине на Миднайт-Ран.

– Он закрылся в прошлом году.

– Я же сказал – была, – фыркнул Дабофф. – Я много лет понемногу вкладывал деньги то туда, то сюда, и теперь могу уделить время охране природы. И не надо шуточек о нефтяных и газовых скважинах. У меня их нет.

– Боже, это, наверное, ужасно тяжело, – вздохнул Майло.

– Что именно?

– Вести войну со всем человечеством.

Дабофф разинул рот. Майло взял его за локоть, сказал:

– Рад был знакомству с вами, сэр, – и препроводил его обратно на тротуар.

* * *

Мы с Ридом смотрели, как они идут к пыльному «Фольксвагену Джетта» Дабоффа.

Старик погрозил Майло пальцем, но на того это, похоже, не произвело впечатления. Продолжая ругаться, Дабофф сел в машину и уехал прочь.

Майло вернулся к нам и изобразил рукой щелкающие челюсти.

– Странный и озлобленный тип, – заметил Рид, – но, полагаю, если б он был виновен, то попытался бы вести себя более дружелюбно. Одна часть его истории определенно правдива – он заходил в офис после девяти и разговаривал с волонтером. Этого парнишку зовут Ченс Брендт, и отчасти благодаря ему мы вообще нашли Селену – именно это я собирался вам сказать, когда нас прервал этот чокнутый «зеленый».

– Так расскажите сейчас.

Рид посмотрел на часы.

– Может, нам лучше сейчас поехать и поговорить с самим парнем, а по пути я вам все выложу? Я беседовал по телефону с его отцом, чтобы убедиться, что я все понял правильно. Через полчаса мне назначена встреча у них дома, и если не выехать прямо сейчас, то мы опоздаем.

– Тогда подвезите нас туда, детектив Рид.

* * *

Майло сел на переднее сиденье ридовского сине-черного «Форда Краун Виктория», а я забрался назад.

– «Мо» – это сокращение от «Моисей»?

– Да, сэр.

– А, ясно.

– Вы подумали о младенце, плавающем в корзинке среди камышей¹¹, и как-то увязали это с болотом?

– Мне действительно пришла в голову эта картина.

Рид рассмеялся.

– Когда я родился, моя мать слегка увлекалась Ветхим Заветом. – Несколько секунд спустя он добавил: – Моисей так и не увидел Земли Обетованной.

– Расскажите нам о юном Брендте, – напомнил Майло.

¹¹ Фамилия детектива Рид (Reed) переводится с английского как «камыш».

Глава 5

Красавчик с надменным взглядом.

Ченс Брендт валялся на огромном, обитом парчой диване в огромной гостиной огромного особняка в средиземноморском стиле на Олд-Оук-роуд в Брентвуде. В доме пахло пиццей и дорогим парфюмом.

Ченс был одет в майку и шорты для занятий теннисом, как и его мать, великолепная длинноногая блондинка с изумрудно-зелеными глазами и явно доминантным набором хромосом. Ее перламутровая помада частично смазалась, и губы казались бледными. Она хотела взять сына за руку, но не осмеливалась.

С другой стороны от дивана сидел отец; темноволосый, крепкий, надменный, с лысой головой, он все еще был облачен в синюю рубашку и золотой галстук от «Эрме».

Разъяренный законник – неизменно приятно такое видеть.

– Невероятно. Теперь еще и это. – Стив Брендт глядел на сына так, словно здесь вот-вот должна была разыгаться драма Эдипа.

Парень не ответил ничего.

– Я занимаюсь завещаниями и недвижимостью, – продолжил Брендт. – Ничем не могу помочь, Ченс.

– Я уверена, что помогать тут незачем, – отозвалась Сьюзен Брендт.

Муж метнул на нее полный яда взор. Она прикусила нижнюю губу и скрестила руки на груди.

– Ченс, расскажи нам о том, что произошло, – попросил Мо Рид.

– В отсутствие адвоката? – фыркнул Стив Брендт. – Да ни за что.

– Сэр, если он всего лишь поговорил с кем-то по телефону, и адвокат совершенно не нужен.

Ченс улыбнулся. Его отец побагровел.

– Что в этом смешного, ты, гений?

Сьюзен Брендт судорожно вздохнула, словно напоровшись на колючую проволоку, в зеленых глазах показались слезы.

– Как уже объяснил детектив Рид, – сказал Майло, – мы расследуем убийство. Если Ченс к этому причастен, ему действительно потребуются услуги адвоката, и мы хотим, чтобы он воспользовался ими как можно скорее. Но у нас нет свидетельств его причастности. Несомненно, вы имеете право затребовать адвоката в любой ситуации, и если вы выберете этот вариант, наш разговор будет проходить в полицейском участке, в комнате для допросов, с видеозаписью, заполнением бумаг и так далее.

– Вы угрожаете мне, – с неприятной улыбкой заявил Стив Брендт.

– Ни в коем случае, сэр. Мы просто информируем вас о том, как будем действовать. На данный момент Ченс, похоже, выступает всего лишь как свидетель – тот, кто принял телефонный звонок. Так что я совершенно не понимаю, почему вы не хотите пойти на сотрудничество с нами.

Ченс перевел взгляд на нас. В его глазах была уже не надменность, а растерянность.

Стив Брендт сложил руки на груди.

– Хорошо, сэр, тогда мы просим вас проследить, чтобы Ченс был здесь завтра в семь утра, когда за ним приедет полицейский наряд. Или, если ордер будет получен быстрее, то сегодня вечером, – сказал Майло и начал вставать.

– Погодите, – произнес Брендт-старший. – Позвольте мне поговорить с сыном наедине. Затем я сообщу вам, как мы решили уладить всю эту... неразбериху. Это достаточно справедливо.

Майло уселся обратно.

– Мы делаем все, чтобы справедливость восторжествовала.

* * *

Сто пятьдесят восемь секунд спустя отец и сын вернулись в гостиную, держа друг от друга на расстоянии примерно четырех футов.

– Он расскажет вам все, – обронил Стив. – Но не могли бы вы просветить меня, как дошло до такого? Просто чтобы я знал, был ли он честен со мной.

Его сын уставился в окно на бассейн с дном, выложенным черной плиткой.

Мо Рид посмотрел на Майло. Тот кивнул.

– В половине двенадцатого вечера мы получили звонок о том, что у Птичьего болота лежит мертвое тело. Звонивший услышал об этом от кого-то, кто узнал об этом от Ченса.

– Откуда вам это известно? – осведомился Брендт-старший.

– Звонивший сказал, что кто-то позвонил в офис Организации по защите Болота парой часов раньше, говорил с Ченсом и рассказал ему о трупе. Ченс решил, что это шутка, но наш информатор воспринял это всерьез.

– И кто информатор?

– Мы устанавливаем это.

Мальчишка по-прежнему сидел развалившись, но на лбу у него выступил пот.

– Слухи из третьих рук? – хмыкнула Сьюзен Брендт. – Звучит не очень убедительно.

Муж мрачно посмотрел на нее. Она начала покусывать ноготь большого пальца с французским маникюром.

– Подростки часто болтают чушь и фантазируют, – сказал Стив, – вот и всё.

– Может быть, – отозвался Рид, – вот только мы действительно нашли труп. И причина смерти – убийство. – Он повернулся к Ченсу. – Нам нужно знать, что именно произошло.

Парень молчал. Отец положил руку ему на плечо; толстые пальцы впились в белый трикотаж майки – в этом жесте не было ни малейшей нежности. Ченс вывернулся из его хватки.

– Скажи им, что ты знаешь, и покончим с этим.

– Как вы сами сказали, кто-то позвонил в офис, – произнес Ченс.

– Кто? – уточнил Рид.

– Какой-то ублюдок со странным голосом.

– Следи за языком, Ченс, – слабым голосом предупредила Сьюзен.

– В каком смысле – странным? – уточнил Мо Рид.

– Ну... типа как шипящим.

– Шипящим?

– Ну, шепчущим. Как в каком-нибудь ужастике, когда предупреждают о чьей-то смерти, и все такое.

– Кто-то маскировал свой голос шипением?

– Ну да.

– Ты можешь это симитировать, показать, как это звучало?

Ченс рассмеялся.

– Сделай это, – приказал ему отец.

– Мы не в студии драмы, папа.

– Ты и так уже вносишь в жизнь нашей семьи достаточно драмы.

– Ну и что? – Ченс пожал плечами.

– Сделай это.

Парень приоткрыл рот, словно намереваясь послать отца подальше. Костяшки пальцев Стива побелели.

– Кто-то шипел в трубку, Ченс, – напомнил Майло. – Что он сказал?

– Ну... типа... что что-то утонуло в болоте. Что-то мертвое.

– Что еще?

– Это всё.

– Мужской голос или женский?

– Мужской... кажется.

– Ты не уверен.

– Ну, он так... шипел. Странно.

– Чтобы не узнали, – кивнул Рид.

– Ну да. Я решил, что меня разыгрывают.

– Кто?

– Да кто угодно. Друзья.

– «Пожарники, пожарьте мне картошку!» – сказал Майло.

Ченс смотрел непонимающе.

– Что-то мертвое в болоте, да? – уточнил детектив.

– Ага.

– Что еще сказал этот, с шипящим голосом?

– Ничего, – ответил Ченс. – Это звучало глупо, так что я даже не сказал об этом мужику, который пришел сразу после того.

– Какому мужику?

– Ну, который управляет там всем, вроде как начальник над болотом. Он вечно меня проверяет.

– И как зовут этого начальника?

– Дабофф. Видок у него, как у хиппи, про которых мы по истории читали.

– Мистер Дабофф вошел в офис сразу после того, как ты принял звонок?

– Я его не принимал. Просто послушал и повесил трубку.

– И через какое время после этого пришел Дабофф?

– Ну, типа, сразу же.

– Он пришел, чтобы проверить, что ты делаешь?

– Да.

– И что ты ему сказал?

– Что всё в порядке.

– Ты не упомянул об этом шипящем звонке?

– Я решил, что это шуточки, – напомнил Ченс. – Итан, Бен, Шон... да кто угодно. – Произнося эти имена, он искоса посматривал на нас, явно пытаясь понять, кто его выдал.

– В какое время поступил этот шипящий звонок? – уточнил Рид.

– Ну... э-э-э... типа, где-то в полдесятого.

– Что ты мямлишь? – рыкнул Стив Брендт. У его жены был такой вид, словно она вот-вот заплачет.

– Ты можешь назвать более точное время? – спросил Рид.

– Ну, типа как... – начал Ченс. – А, да, я как раз перед этим посмотрел на часы, было девять двадцать с чем-то; так вот, позвонили сразу после этого.

– То есть примерно в девять тридцать.

– Ну да, кажется, так.

– Боже, – вздохнул Стив Брендт, – можно подумать, это ядерная физика.

Ченс сгорбился. Его мать искусала нижнюю губу докрасна.

– По-моему, – сказал отец, – сразу видно, что математика – не его сильная сторона, вот почему он вообще во все это влип. Пренебрежительное отношение к контрольной по алгебре, которую можно было сдать с минимальными усилиями.

Ченс тоже начал кусать губу. Генетика? Или жизнь в одном доме со Стивом Брендтом кого угодно доведет до такого?

Брендт-старший ослабил свой галстук.

– Мы все еще пытаемся понять, есть ли у него сильные стороны.

Его жена охнула.

– Посмотри правде в глаза, Сьюз. Если б он не жульничал, нам сейчас вообще не пришлось бы разговаривать с копами. – Он обратился к нам. – Может быть, пока вы здесь, нам следует придумать что-нибудь для моего сына? Есть какая-нибудь программа, в которую вы включаете малолетних правонарушителей? Например, поработать в морге, чтобы поближе соприкоснуться с реальностью...

Сьюзен вскочила и выбежала прочь – лишь мелькнули изящные загорелые ноги. Взгляд Ченса не отрывался от багрового отцовского лица.

– Да-да, сынок, я очень зол, – подтвердил Брендт. – У меня куча работы, а я вынужден приезжать домой посреди дня ради вот этого всего. Ты что, играешь в теннис?

– Мама сказала, что мне нужно упражня...

Стив жестом велел ему замолчать и повернулся к Майло.

– У вас всё еще устраивают экскурсии в морг?

– Не уверен в этом, сэр. Насколько я помню, их проводили для юных любителей вождения в пьяном виде, и так далее.

– Ну, значит, он снова легко отделался.

Губы Ченса шевельнулись.

– Что ты сказал? – переспросил его отец.

Молчание.

– Мистер Брендт, – сказал Майло, – мы понимаем, что вы рассержены тем, что Ченс сделал в прошлом. Но вы же видели, он пошел на сотрудничество с нами. Если он всего лишь сказал кому-то о том, что ему позвонили и попытались его разыграть, ему совершенно незачем от этого «отделываться». А если он какие-то образом замешан в этом убийстве, то экскурсия в морг здесь не поможет.

Лицо Стива Брендта сделалось менее красным.

– Конечно же, он не замешан. Я просто пытаюсь предотвратить какие-либо... неприятности в дальнейшем.

– Я – неприятность? – спросил Ченс.

Его отец усмехнулся:

– Поверь, ты не хочешь знать ответ на этот вопрос.

Парень, в свою очередь, покраснел.

– Ну так сделай то, что должен; проверь меня на каком-нибудь долбаном детекторе лжи...

– Захлопни свою грязную пасть, тупица, и оставь этот поганый тон...

Ченс вскочил на ноги, стиснув кулаки.

– Не смей называть меня так! На хрен, не смей!

Стив Брендт, тяжело дыша, ударил обеими руками по парчовой обивке дивана.

Ченс дышал еще чаще, чем отец.

Майло вклинился между ними.

– Немедленно успокойтесь, пожалуйста. Ченс, сядь вон туда, где сидела твоя мама. Мистер Брендт, позвольте нам заниматься своей работой.

– Не думаю, что я делаю что-то...

– Это дело об убийстве, сэр, и нам предстоит долгая работа. Нужно убедиться, что после нашего ухода нас не вызовут обратно по делу о домашнем насилии.

– Это нелепо. Я когда-нибудь бил тебя, Ченс? Хоть раз?

Молчание.

– Было такое?

Парень улыбнулся и пожал плечами.

– Вот ведь гадюка! – выругался его отец.

Ченс по-прежнему стоял.

– Сядь, – велел Майло. Мальчишка повиновался.

– Ченс, мне нужен ответ: как скоро после звонка пришел мистер Дабофф?

– Прямо сразу. Через пару секунд.

Это соответствовало рассказу Дабоффа. Или он сам бросил на берегу тело Селены Басс, или убийца ждал, пока Дабофф уйдет, прежде чем приступить к делу.

Или убийце повезло, и он просто разминулся с Дабоффом.

В любом случае, об убийстве сообщили вскоре после того, как тело было брошено у болота.

Кто-то хотел, чтобы Селену Басс нашли и быстро опознали.

Убийца спрятал три других трупа, но потом обнаглел и решил похвастаться?

Считает болото своей территорией? Дабофф или кто-то вроде него?

– Кому ты рассказал об этом шипящем звонке? – спросил Мо Рид.

– Только... Сарабет. Кому она могла меня выдать?

– Как фамилия этой Сарабет?

– Остер, – ответил Стив Брендт. – Как марка парикмахерских инструментов. – Никто из нас не сказал ни слова, и он продолжил: – Это богатая семья, они живут в Брентвуд-парк. Сарабет – их единственный ребенок. Выглядит милой и невинной, но это она подсказывала ему ответы на ту проклятую контрольную по алгебре, так что я трижды перепроверил бы все, что она скажет.

Ченс зарычал.

– Ой, боюсь-боюсь, – фыркнул его отец.

Глава 6

Стив Брендт проводил нас в выложенный фальшивой брусчаткой парковочный дворик и с помощью пульта дистанционного управления открыл ворота.

– Итак, он не виноват?

– Пока что мы видим это так, сэр.

– Поверьте мне, офицер, он слишком глуп, чтобы кого-нибудь убить.

И с улыбкой горького удовлетворения Брендт-старший направился обратно в ярко освещенный дом.

* * *

Мо Рид позвонил Тому Л. Рамли, директору Виндуордской академии, и добился обещания «собрать все релевантные сведения» относительно звонка Ченсу Брендту «по стандартному тарифу». В обмен на это директор затребовал отсутствие визитов полиции в школу в ближайшее время, потому что «сейчас каникулы, и мы принимаем гостей из Дубая».

Рид перевел связь с Рамли в режим ожидания.

– Лейтенант?

– Скорее всего, все сведется к выяснению цепочки, по которой дошел слух, так что дайте ему шанс выглядеть благопристойно. Кто-нибудь голоден?

Мы вернулись к болоту, я и Майло пересели в мою «Севилью». Рид поехал следом за нами. По дороге до Лос-Анджелеса Майло спросил:

– Какие будут мысли?

– О деле или о Риде?

– О том и о другом.

– Похоже, он вдумчив и готов учиться. Об этом деле еще многое нужно разузнать.

– Четыре трупа...

– Подобный аппетит вряд ли уймется на четырех, – заметил я.

– Я всегда знал, что от тебя можно дожидаться слов ободрения.

* * *

Кафе «Могул» на бульваре Санта-Моника, в нескольких кварталах от полицейского участка, служило Майло вторым офисом.

Владелица кафе, в сари и очках, широко заулыбалась, когда Майло вошел в двери, – как всегда, впрочем. Помимо огромных чаевых, она восхищалась им за его службу в полиции – считала кем-то вроде охранного ротвейлера в человеческом образе. Когда следом за ним появился Рид, в котором нельзя было не узнать копа, хозяйка кафе едва не пришла в экстаз.

– Омары, – объявила она, усаживая нас за постоянный столик Майло у стены, продолжая улыбаться и одновременно наполняя наши стаканы травяным чаем со льдом. – Я принесу чистые тарелки и вообще всё.

– Вообще всё – хорошая идея, – произнес Майло, скидывая свой китель и швыряя его на ближайший стул. Рид аккуратно снял блейзер и повесил на спинку другого стула. Рукава его белой рубашки были короткими и туго облегли его бицепсы.

Начался парад блюд.

– Должно быть, вы оставляете крутые чаевые, – заметил Рид.

– Боже, – вздохнул Майло, – и почему всё в этом мире вертится вокруг денег?

* * *

Иногда Майло любил поболтать за едой. Но бывало и так, что он рассматривал процесс поглощения пищи как священный ритуал, который не следует нарушать разговорами.

Сегодня у него явно был день Священной Трапезы. Мо Рид посмотрел, как Майло откусывает, жуёт, проглатывает и вытирает лицо, затем быстро подстроился к его темпу и стал опустошать свою тарелку, словно приговоренный к смерти за своим последним ужином.

Груды омаров, риса, салата-латука, баклажанов с пряностями и шпината в сырной панировке исчезали с невероятной скоростью – молодой детектив обогнал даже Майло. Сложение у него было плотное, но вряд ли на нем был хоть грамм жира – он был мощным, словно дуб.

Как раз в тот момент, когда женщина в очках принесла рисовый пудинг, его сотовый телефон запищал.

– Рид слушает... – Брови его, настолько светлые, что их нелегко было рассмотреть, круто изогнулись. – Да, сэр... подождите, пока я найду, на чем записать. – Потянувшись назад, он достал свой планшет и сделал запись. – Спасибо, сэр. Нет, не в этот раз, сэр.

И нажал кнопку отбоя.

– Директор Рамли говорит, что проследил путь распространения слуха от начала до конца. Юный Брендт рассказал все Сарабет Остер, которая тоже сочла этот звонок забавным. Она поведала о нем девушке по имени Эли Лайт, а Эли рассказала своему парню, Джастину Куперсмит. Тот решил, что это чертовски смешно, и передал слух своему старшему брату, второкурснику университета Дьюка по имени Лэнс – тот вернулся домой на летние каникулы. Лэнс Куперсмит, похоже, оказался более серьезным, чем все остальные, – именно он позвонил нам. Сказал, что счел это своим долгом.

– Его звонок достаточно просто подтвердить.

Рид кивнул.

– Сегодня утром я запросил отчет о звонке. Он поступил на обычную линию; там разбираются дольше, чем на «девять-один-один», и не делают аудиозапись. Хотите, я сейчас проверю?

– Давайте.

Пару минут спустя Рид сообщил:

– Сотовый номер оператора «Веризон», зарегистрирован на имя Лэнса Аллана Куперсмита, проживающего в Пасифик-Палисейдс. Есть ли смысл ехать туда?

– На данный момент – нет, – ответил Майло. – У нас впереди еще долгий день, надо доесть омаров.

Достав свой собственный телефон, он запросил ордер на доступ в жилье Селены Басс.

* * *

Я оставил «Севилью» на вестсайдской парковке и снова сел на заднее сиденье машины Рида. До Индиана-авеню было двадцать минут езды, и Майло воспользовался этим временем, чтобы получить ордер.

По телефону ему дали разрешение и сообщили, что бумаги привезут следом.

– Вы проследили ее по Интернету? – спросил он Рида.

– Да. Ни на какие сайты, где тусуются плохие парни, она не заходила. Я сегодня планировал провести расширенный поиск в «Гугле» по ее имени.

Майло залогинился через мобильный терминал в машине Рида и вышел в Интернет.

– Хорошо беседовать с Господом напрямую... начинаем... два совпадения, один – точная копия второго... похоже, она учительница игры на фортепиано, представляла на концерте ученика... по имени... Келвин Вандер.

Поиск по картинке не дал ничего.

– Учителя фортепиано не входят в категорию высокого риска, – заметил Рид.

– Ничто так не портит неделю, как грустная песня, – хмыкнул Майло.

– А что насчет трех других трупов, лейтенант?

– Посмотрим, что обнаружат наши копальщики. А тем временем надо понять, что у нас уже есть.

Я высказал свои мысли о человеке, заикленном на болоте.

– Может быть, – обронил Майло. Рид не сказал ничего.

* * *

Дом Селены Басс, переделанный из гаража, был двухэтажным и располагался за одноэтажным двухквартирным зданием, отделанным белой штукатуркой.

В самой большой квартире в этом здании, окруженном декоративными апельсиновыми и банановыми деревьями, проживала хозяйка «поместья», древняя дама по имени Анюта Розенфильд, величественно восседавшая в кресле на колесиках. Веселая горничная-филиппинка провела нас в тесную гостиную, где было не продохнуть от розовых бархатных драпировок, растений в горшках и фарфоровых фигурок на вычурных подставках.

– В январе ей исполнится сто лет!

Старуха не пошевелинулась. Глаза ее были открыты, но взгляд их казался бессмысленным, а колени ее, похоже, были настолько хрупкими, что не выдержали бы даже веса одной из ее драгоценных фарфоровых куколок.

– Это поразительно, – отозвался Майло, останавливаясь поблизости кресла на колесиках. – Мэм, можем мы получить ключи от жилища мисс Басс?

– Она ничего не слышит и не видит, – сообщила горничная. – Задавайте все вопросы мне. – Она ткнула себя пальцем в грудь. – Луз.

– Луз, можем мы...

– Конечно, офицеры! – Она извлекла ключ из кармана своей формы.

– Спасибо большое.

– С ней все хорошо – с Селеной?

– Вы ее знаете?

– На самом деле, я ее не знаю, но иногда вижу ее. В основном тогда, когда ухожу. Иногда она тоже уходит.

– Когда вы видели ее в последний раз?

– Хм-м... вот сейчас, когда вы это сказали, я припоминаю, что не видела ее уже довольно давно. И знаете, я не видела свет в ее доме... уже несколько дней, по меньшей мере. – Она судорожно вздохнула. – А теперь приехали вы... о, Боже!

– Несколько дней? – переспросил Рид.

– Примерно четыре, – уточнила Луз. – Может быть, пять, я не считала.

– Какой она была?

– Я никогда с ней не разговаривала, мы просто улыбались и говорили «привет». Она казалась очень милой. Красивая девушка, худая, совершенно никаких бедер, сейчас все такие.

– В какое время вы обычно уходите с работы? – спросил Майло.

– В семь часов вечера.

– Кто-нибудь работает здесь в ночную смену?

– В семь часов домой приходит дочь миссис Розенфильд, Элизабет. Она работает сиделкой в больнице Сент-Джон. – Луз заговорщицким шепотом продолжила: – Ей семьдесят один год, но ей все еще нравится работать в неонатальном отделении интенсивной терапии, с младенцами. Так я с ней и познакомилась. Я – аттестованная сиделка и тоже работала в интенсивной терапии. Я люблю младенцев, но здесь мне нравится больше. – Она погладила свою подопечную по плечу. – Миссис Эр – очень славная женщина.

На губах старухи появилась добродушная улыбка. Кто-то напудрил ей лицо, покрасил веки синими тенями, наманикюрил ногти. Воздух в комнате был спертым и густым. Розы и гаультерия.

– Что еще вы можете рассказать нам о Селене Басс? – напомнил Майло.

– Хм-м, – протянула Луз. – Я уже говорила, она милая... пожалуй, чуть застенчивая. Похоже, она не любила долгие разговоры. Я никогда не слышала, чтобы Элизабет жаловалась на нее, а Элизабет любит пожаловаться.

– Полное имя Элизабет?

– Элизабет Майер. Она вдова, как и ее матушка. – Горничная опустила глаза. – У нас троих это общее.

– А, – произнес Майло. – Сочувствую вашей потере.

– Это было давно.

Миссис Розенфильд снова улыбнулась. Трудно было понять, чем была вызвана эта улыбка.

– Кто живет во второй квартире? – спросил Майло.

– Мужчина, француз, его почти никогда не бывает дома. Он профессор; думаю, преподает французский язык. Чаще всего он во Франции. Вот как сейчас.

– Как его имя?

Луз покачала головой.

– Извините, вам нужно спросить у Элизабет. За два года я видела его всего пару раз. Симпатичный мужчина, с длинными волосами – как у того актера, такого тощего... Джонни Деппа.

– Похоже, у вас тут довольно тихое местечко, – заметил Майло.

– Очень тихое.

– К Селене когда-нибудь приходили друзья?

– Друзья – нет. Один раз я видела ее с парнем, – сказала Луз. – Он ждал Селену на тротуаре, и она села в его машину.

– Что это была за машина?

– Извините, я не видела.

– Вы можете описать его?

– Он стоял ко мне спиной, и было темно.

– Высокий, низкий? – спросил Рид.

– Среднего роста... ах да, точно одно – у него не было волос, бритая голова, как у какого-нибудь баскетболиста. От его головы отражался свет.

– Этот мужчина был белым? – уточнил Рид.

– Ну... – промолвила Луз, – не черным, точно. Хотя я полагаю, что он мог быть светлокожим черным. Извините, я видела его только со спины; полагаю, он мог быть кем угодно. Он что-то сделал с Селеной?

– Мэм, на данный момент у нас даже нет подозреваемого. Вот почему все, что вы видели, может оказаться важным.

– Подозреваемый?.. Так она...

– Боюсь, что да, – подтвердил Рид.

– О нет. – Глаза горничной увлажнились. – Это так грустно, такая молодая... о, Боже... Жаль, что мне больше нечего вам рассказать.

– Вы и так сказали многое, – заверил ее Майло. – Не сообщите ли ваше полное имя, для протокола? И контактный телефон.

– Луз Елена Рамос. Не опасно ли оставаться здесь?

– У нас нет причин так думать.

– Ох, – вздохнула Луз. – Мне немного боязно. Лучше побережусь.

– Я уверен, что с вами все будет в порядке, мисс Рамос, но осторожность никогда не повредит.

– Когда вы приехали, я догадалась, что что-то случилось. Проработав в больнице восемь лет, начинаешь понимать, как выглядят плохие новости.

* * *

Жилище Селены Басс, площадью в четыре сотни квадратных футов, несло следы своего гаражного прошлого.

Потрескавшийся бетонный пол был покрашен бронзовой краской и отлакирован, но сквозь лак проступали масляные пятна, в воздухе витал слабый запах смазки и бензина. Низкий потолок из побеленного гипсокартона делал комнату тесной. Стены были отделаны тем же материалом, небрежно прикрепленным к деревянной обрешетке. Были видны проклеенные скотчем швы; головки гвоздей торчали тут и там, словно юношеские угри.

– Высокотехнологичная конструкция, – заметил Майло.

– Возможно, уроки игры на фортепиано приносят не очень-то хороший доход, – кивнул Рид.

Мы надели перчатки и встали в дверном проеме, внимательно оглядывая помещение. Никаких видимых признаков насилия или беспорядка.

– Мы вызовем бригаду с техникой, – решил Майло, – однако не похоже, чтобы действие разворачивалось здесь.

Он вошел в дом, и мы – следом за ним.

Шкафы из черного оргалита отгораживали в углу крошечную кухню. Компактный холодильник, микроволновка, электрическая плита с двумя конфорками. В холодильнике: вода в бутылках, приправы, сгнивший нектарин, вялый сельдерей, картонная упаковка с китайской едой, взятой на вынос.

Мо Рид подтянул перчатки и заглянул в коробку. Курица в кисло-сладком соусе, окрасившемся в тускло-оранжевый цвет. Мо наклонил коробку.

– Все уже загустело. Этой курице как минимум неделя.

На полу лежал полутораспальный матрас, застеленный коричневым покрывалом с росписью батиком, поверх него валялась целая куча плотно набитых декоративных подушек. Майло откинул угол покрывала. Простыни лавандового цвета были чистыми и гладкими. Он принялся и покачал головой.

– Что такое, сэр? – спросил Рид.

– Никакого запаха: ни стирального порошка, ни запаха тела, ни парфюмерии, ничего. Как будто их постелили – и ни разу на них не спали.

Он отошел к ночному столику, отделанному под полированную березу. На столике лежали низкокалорийные конфеты, ночная рубашка из белой фланели, дешевый электронный будильник и расческа.

Майло внимательно взглянул на расческу.

– Не вижу ни одного волоска, но, может быть, эксперты что-нибудь найдут. Кстати говоря, детектив Рид...

Тот позвонил криминалистам, а Майло продолжил обход комнаты. Он проверил высокое мусорное ведро из желтого пластика. Пусто. Тут и там были разбросаны подушки, на которых, видимо, предполагалось сидеть. Все они были пухлыми и твердыми, как будто ими ни разу не пользовались.

* * *

Вещи у Селены хранились в фанерном комодe с тремя ящиками и в шестифутовом стальном шкафу, окрашенном оливковой краской. Слева от шкафа находилась дверца в санузел, в котором едва мог поместиться человек. Нейлоновая шторка вместо двери, душ за загородкой из оргстекла, дешевый унитаз и раковина. На полу стоял шаткий медицинский шкафчик с ящиками.

Все безукоризненно чистое и сухое. В шкафчике пусто.

Исключением среди всей этой минималистической эстетики была стена, возле которой стояли два электронных синтезатора, усилитель, микшерная консоль, двадцатидюймовый плоский монитор на черной подставке, два черных складных кресла и несколько метровой высоты стоек со сборниками нот.

Рид изучил ноты.

– Классика... еще классика... какой-то инди-рок... и снова классика...

– Ни стереопроигрывателя, ни CD-плеера, – отметил Майло.

– Вероятно, где-то тут есть «Айпод», – отозвался Рид.

– Тогда где компьютер, через который работали все остальные гаджеты?

Рид нахмурился.

– Кто-то здесь прибрался.

* * *

Они вдвоем обследовали комод и металлический гардероб. Джинсы, футболки, ветровки, нижнее белье маленьких размеров. Теннисные туфли, ботинки, черные босоножки на высоких каблуках, красные «лодочки», белые «лодочки». На перекладине с одной стороны гардероба висело с полдюжины платьев ярких цветов.

Никаких дисков, ноутбука, ничего, связанного с компьютерными делами.

Рид опустился на колени перед комодом и открыл нижний ящик.

– Ого!

Внутри лежал кожаный корсет, две пары сетчатых чулок, черные трусики с оранжевой отделкой и отверстием в промежности – в количестве трех штук, три дешевых черных парика и три огромных фиолетовых фаллоимитатора.

Каждый из париков был длиной до плеч, с короткой челкой. В синей виниловой шка-тулке для швейных принадлежностей лежали белая пудра, черная подводка для глаз и несколько тюбиков помады цвета старого синяка. Когда Рид достал ее, из ящика выкатился маленький черный кожаный хлыст.

– БДСМ-госпожа в свободное время? – предположил Майло. – Быть может, на самом деле она жила где-то еще, а здесь просто устраивала оргии?

Рид смотрел на все эти принадлежности, словно загипнотизированный.

– Возможно, она также давала здесь уроки музыки, лейтенант.

– Сомнительно: ни настоящего пианино, ни учебников. – Майло закрыл ящик и еще раз окинул взглядом комнату. – Если это было ее основное жилье, она вела весьма тоскливую жизнь, даже если учесть то, что здесь прибрались. Мы здесь всего пять минут – и я уже готов глотать антидепрессанты.

Он вернулся к металлическому гардеробу и провел рукой по верхней полке.

– Что ж, взгляните сюда.

Майло снял с полки картонную коробку, набитую бумагами.

Наверху лежали налоговые декларации Селены Басс за прошлый год. Поступление: сорок восемь тысяч за «музыкальные консультации на вольнонаемной основе», десять тысяч вычтено на «оборудование и материалы». Помимо этого, он нашел тринадцать ежемесячных чеков, аккуратно сложенных стопкой и подшитых вместе. На четыре тысячи долларов каждый, выписаны на семейный трастовый счет Саймона М. Вандера в инвестиционной компании «Глобал», указан адрес на Пятой улице в Сиэтле.

На каждом чеке была отпечатана одна и та же пометка: «Уроки для Келвина».

– Тот парень из интернета, – припомнил Рид.

– Почти пятьдесят штук в год за то, чтобы обучать юнца стучать по клавишам, – заметил Майло.

– Один ученик оплачивает все счета. Может быть, у него серьезный талант? Самородок какой-нибудь...

– Или считает себя таковым. Может, пойдем в машину и пробьем по сети имя Саймона Вандера? И паренька тоже.

– Ладно.

Майло вернулся к изучению бумаг в коробке. Выданные в Калифорнии водительские права, на которых была фотография тонколицей большеглазой девушки с остреньким выступающим подбородком и светло-русыми волосами. Короткая челка, как у тех париков. Легче маскироваться во время переодевания?

– Зачем ей это понадобилось, если у нее уже были права? – спросил я.

– Может быть, она приехала сюда без прав, и временно получила эти? – предположил Майло.

Под правами лежали чеки из магазина распродаж «Бетси Джонсон» в Кабазоне близ Палм-Спрингс, и шестимесячной давности кредитный счет на пятьсот долларов, недавно погашенный после полугодовой просрочки со всеми накопившимися ростовщическими процентами.

На самом дне лежала одна-единственная распечатка письма из электронной почты, полученного четыре месяца назад от пользователя «Хотмейла» *engrbass345*. Я прочитал письмо, глядя через плечо Майло.

Сел, я так рада, что ты наконец-то нашла работу, и, судя по всему, хорошую. Пусть у тебя все будет в порядке, милая. Не пропадай снова так надолго. Целую тебя. Мама.

– Время уведомления, – вздохнул Майло.

– Твоя любимая фишка, – отметил я.

– Да, как и утопленные щенки.

Рид ворвался обратно в квартиру, размахивая планшетом; глаза его сияли.

– Похоже, что Саймон Вандер – очень крупный денежный мешок. Может быть, его инвестиционный счет и хранится в Сиэтле, но живет он здесь, в Палисейдс. Он владел сетью супермаркетов в мексиканских пригородах и два с половиной года назад продал ее за сто одиннадцать миллионов. После этого пропал с радаров, не считая трех упоминаний о Келвине – все с его концертов. Мальчишке десять лет. Я нашел одну его фотку.

Он вывел на экран зернистый черно-белый снимок симпатичного юного азиата.

Майло показал ему электронное письмо от матери Селены Басс.

– Хотите связаться с ней в Сети? – спросил Рид.

– Если она местная, встретимся с ней лично.

– *Engrbass*, – произнес Рид. – Может быть, она инженер? Но, думаю, начнем пока с Вандеров и проверим, знают ли они что-нибудь о личной жизни Селены...

Он назвал убитую по имени. Именно так начинают устанавливаться связи.

– Как раз это я и собирался сделать, – ответил Майло.

– Похоже, я изобрел колесо, – хмуро обронил Рид.

Глава 7

На имя Саймона Митчелла Вандера было зарегистрировано пять автомобилей по двум адресам.

На Калле-Маритимо в Пасифик-Палисейдс: «Лексус GX», купленный три месяца назад, «Мерседес SLK» возрастом в год, трехлетний «Астон Мартин DB7» и пятилетний «Линкольн Тауэр». В списке по Малибу на Тихоокеанском шоссе был зарегистрирован универсал «Вольво».

Мо Рид проверил адреса по карте.

– Лакоста-Бич и северная окраина Палисейдс. Чертовски близко.

– Может быть, ему нравится бродить босиком по песку, – предположил Майло. – Ставлю на то, что в будни его можно найти по основному адресу. Если не работает, проведем денек на побережье.

* * *

Чтобы попасть из Вениса в Пасифик-Палисейдс, мы проехали по бульвару Линкольн – медленно, потому что везде были пробки, – ненамного быстрее по Оушн-Фронт, потом сделали короткий рывок по Ченнел-роуд и вырвались на побережье. Благословенный ветерок превращал океан в лазурный взбитый коктейль с белой пеной на поверхности. Серферы и кайтеры, а также просто те, кто любит подышать свежим воздухом, прямо-таки рвались сюда.

Калле-Маритимо оказался извилистой дорогой, поднимавшейся на холм над территорией старого музея Гетти. По мере того как высота росла, поместья становились больше, а цена земли возрастала с каждым ярдом. Рид быстро вел машину мимо изгородей из бугенвилеи и каменных стен, в просветах между которыми иногда мелькала океанская синь.

Знак гласил: «Тупик. Проезда нет». Несколько секунд спустя эту надпись подтвердили десятифутовые чугунные ворота, перегородившие путь; кованые вручную ворота, столбики которых напоминали огромные стебли кораллов, а изогнутые прутья переплетались, подобно осьминожьим щупальцам. По ту сторону от этого чуда кузнечного искусства виднелся овальный парковочный дворик, вымощенный квадратными плитами дорогого сланца. Сланец был недавно полит из шланга, местами на нем еще виднелись капли воды. Дворик был обсажен подстриженными финиковыми пальмами, а за ними маячил на удивление скромный дом. Один этаж, желтоватая штукатурка, красная черепичная крыша, закрытый портик скрывал входную дверь. Сбоку припаркованы четыре машины, зарегистрированные на Вандера.

Рид нажал кнопку вызова на домофоне. Пять гудков – и тишина.

Он попробовал снова. Еще четыре звонка. Потом голос, похожий на мальчишеский, спросил:

– Да?

– Полиция Лос-Анджелеса. Нам нужно поговорить с мистером Саймоном Вандером.

– Полиция?

– Да, сэр. Нам нужно поговорить с мистером Вандером.

Пауза.

– Его нет дома.

– Где мы можем найти его?

Двухсекундное молчание.

- Его последним местом остановки был Гонконг.
- Деловая поездка?
- Он путешествует. Я могу отправить ему сообщение.
- С кем я разговариваю, сэр?
- Снова молчание.
- С управляющим мистера Вандера.
- Ваше имя, пожалуйста.
- Трэвис.
- Не могли бы вы на секунду выйти к воротам, мистер Трэвис?
- Могу я спросить, что это...
- Почему бы вам не выйти? Мы всё вам расскажем.
- Э-э... подождите немного.

Несколько секунд спустя дверь, ведущая в портик, открылась. Человек в темно-синей рубашке, светлых джинсах и большой серой вязаной шапке прищурился, глядя в нашу сторону. Рубашка сидела на нем мешком и была незаправлена; ее полы хлопали на ветру, как флаги. Джинсы собирались складками поверх белых кроссовок. Шапка была натянута так, что прикрывала кончики ушей.

Он неуклюжей походкой направился к нам – одно плечо выше другого, одна ступня на каждом шагу выворачивалась наружу, так, что он едва не спотыкался. Дойдя до ворот, он оглядел нас сквозь чугунные щупальца. Мы, в свою очередь, рассматривали его длинное худое лицо, впалые щеки, глубоко посаженные карие глаза. Трехдневная щетина, в основном черная, но местами и седая, покрывала его лицо, равно как и ту часть черепа, что виднелась из-под шапки. Рот был скошен влево, словно в гримасе неизбывной горечи. Это, вместе с ковыляющей походкой, вполне могло быть последствиями неврологического инсульта. На мой взгляд, ему было от тридцати пяти до сорока лет. Молод для кровоизлияния в мозг, но жизнь может быть жестока.

Майло показал сквозь щупальца свой нагрудный знак с именем.

- Добрый день, мистер Трэвис.
- Хак. Трэвис Хак.
- Мы можем войти, мистер Хак?

Тот нажал своим длинным пальцем кнопку на пульте дистанционного управления. Ворота открылись внутрь.

Мы припарковались под ближайшей финиковой пальмой и вышли из машины. Поместье находилось изрядно выше соседских участков и занимало минимум пять акров дорогостоящей земли на вершине холма. Подстриженные лужайки и клумбы с ползучей геранью совершенно не заслоняли вид. Границей участка служил отвесный утес, окаймленный обширным водоемом, смыкавшимся с Тихим океаном.

При ближайшем рассмотрении дом оказался отнюдь не скромным. Даже будучи одноэтажным, он обеспечивал отличный вид на океан, площадь его потрясала.

Трэвис Хак сунул палец под шапку и вытер пот, выступивший за ухом. Лицо его блестело. Слишком жаркий день для того, чтобы ходить в шерстяном головном уборе. Или, быть может, он просто всегда легко потел.

– Если вы хотите, чтобы я передал какое-либо сообщение мистеру...

– Сообщение, – оборвал его Майло, – заключается в том, что женщина по имени Селена Басс была найдена убитой, и мы должны поговорить со всеми, кто знал ее.

Хак моргнул. Горестно искривленный уголок его губ дрогнул, занимая нейтральное положение, кожа вокруг глаз собралась в морщины.

- Селена? – переспросил он.
- Да, сэр.

- О нет...
- Вы знали ее?
- Она была учительницей музыки. У Келвина. Сына мистера и миссис Вандер.
- Когда вы в последний раз видели ее, мистер Хак?
- В последний раз? Я не... как я и сказал, она давала уроки. Когда они были нужны ему.
- Келвину?
- Хак снова моргнул.
- Да.
- И все-таки ответьте на вопрос.
- Прощу прощения?
- Когда вы видели ее в последний раз?
- Дайте подумать, – произнес Хак, словно действительно испрашивая разрешения; пот катился по его подбородку, капая на сланец. – Я бы сказал, две недели назад... – Он потуже натянул свою шапку. – Нет, пятнадцать дней. Ровно пятнадцать.
- Как вы это подсчитали?
- Мистер Вандер и Келвин уехали на следующий день после того, как у Келвина был урок. Это было пятнадцать дней назад. Келвин играл Бартока.
- Уехали куда?
- На каникулы, – ответил Хак. – Сейчас лето.
- Путешествуют всей семьей? – уточнил Рид.
- Хак кивнул.
- Можно спросить, что случилось с Селеной?
- На данный момент мы можем сказать вам лишь, что ничего хорошего, – отозвался Майло.
- Повисло молчание.
- Значит, в последний раз вы видели ее ровно пятнадцать дней назад?
- Да.
- В каком настроении она была?
- По-моему, в хорошем. – Глаза Хака впились в мокрый сланец. – Я впустил ее в дом, потом видел, как она ушла. С ней все было в порядке.
- Вы не знаете, хотел ли кто-то причинить ей вред? – спросил Рид.
- Причинить ей вред? Она приходила сюда, чтобы давать уроки. Как и все остальные.
- Какие остальные?
- Келвин на домашнем обучении. Преподаватели приходят на дом. Рисование, гимнастика, каратэ... Куратор из Гетти обучает его истории искусства.
- Келвину не нравится учиться в обычной школе? – полюбопытствовал Майло.
- Келвин слишком талантлив для обычной школы. – Одна нога Хака подкосилась, и он схватился за капот машины; лоб у него был мокрым.
- Талантлив и хорошо играет на пианино, – заметил Мо Рид.
- Он играет классическую музыку, – дополнил Хак, как будто это проясняло все.
- Как давно Селена Басс обучает его?
- Она... сейчас вспомню... примерно год. Чуть больше или чуть меньше.
- Где проходят уроки? – спросил Майло.
- Где? Да прямо здесь.
- И они никогда не проводились дома у Селены?
- Нет, конечно же, нет.
- Почему «конечно»?
- У Келвина очень плотное расписание, – сообщил Хак. – Нет возможности тратить время на то, чтобы ехать куда-то, а потом еще обратно.

- Для уроков музыки не было постоянного места в расписании.
- Совершенно верно; все зависело от того, когда они были нужны, – кивнул Хак. – Они могли проходить раз в неделю или каждый день.
- В зависимости от того, когда это было нужно Келвину?
- Если ему предстояло выступить на концерте, Селена приезжала сюда чаще.
- Келвин часто выступал на концертах?
- Не так уж часто... Все еще поверить не могу... она была такой славной.
- Что еще вы можете сказать нам о ней, сэр?
- Славная, – повторил Хак. – Тихая. Любезная. Всегда приходила вовремя.
- Ей хорошо платили за обучение Келвина? – спросил Мо Рид.
- Я об этом ничего не знаю.
- Вы не выписываете чеки?
- Я просто присматриваю за домом.
- А кто выписывает чеки?
- Бухгалтеры мистера Вандера.
- Кто его бухгалтеры?
- Они в Сиэтле.
- Вы заботитесь не только об этом доме? – осведомился Майло.
- Прошу прощения?
- Еще есть дом на побережье. – Майло ткнул большим пальцем в сторону океана.
- А, тот, – произнес Хак. – В том доме мистер Вандер жил до того, как женился. Он нечасто бывает там.
- Но он держит там машину.
- Тот старый универсал? Аккумулятор, должно быть, сдох.
- Дом прямо у пляжа, – вздохнул Майло. – Жалко им не пользоваться.
- Мистер Вандер много путешествует, – напомнил Хак.
- Это часть надомного обучения Келвина?
- Прошу прощения?
- Просвещение – повидать мир, ознакомиться с другими культурами...
- Иногда. – Лоб Хака блестел, словно смазанный яичным желтком. – Это очень нервирует.
- Вам нравилась Селена?
- Да, но... просто дело в том, что когда кого-то знаешь, а он вдруг... – Хак вскинул руки. – Мистеру Вандеру нужно узнать об этом. И Келвину, и миссис Вандер тоже. Они будут... как я могу связаться с вами?
- Рид протянул ему визитку. Хак беззвучно прочитал надпись на ней.
- Мы пытаемся найти ближайших родственников Селены, – произнес Майло. – Вы не знаете, как мы можем выйти на них?
- Нет, прошу прощения, – ответил Хак. – Бедный Келвин... Ему понадобится новый преподаватель.

* * *

Мы спустились обратно к Тихоокеанскому шоссе и несколько минут ехали в направлении Лакоста-Бич, потом Рид заложил разворот и припарковался перед оградой из кедровых плашек.

Участок сорок на сорок футов в нескольких шагах от шоссе. Справа от ограды стоял гараж, тоже из кедра. Калитка была заперта. Майло позвонил, но никто не ответил. Он оставил свою визитную карточку, вставив ее в ручку калитки.

Когда мы вернулись в город, Мо Рид спросил:

– Что вы думаете о Хаке?

– Станный тип.

– Он очень обильно потел. И что-то еще... не могу сказать точно, но... он словно был слишком насторожен. Я неправ, лейтенант?

– Он, несомненно, нервничал. Но это может быть просто беспокойство наемного работника, который боится обеспокоить своего работодателя. Не хочешь что-нибудь добавить, Алекс?

Я озвучил теорию об инсульте.

– Меня удивило то, что он в такой жаркий день носит шапку, – заметил Рид. – Непохоже, чтобы под ней было много волос. Среднего роста белый мужчина – он мог быть тем бритым налысо типом, которого Луз Рамос видела с Селеной.

Майло поразмыслил об этом – и снова полез в Интернет.

* * *

Судимостей за Трэвисом Хаком не числилось, а на фотографии из отдела регистрации транспортных средств он был изображен с густой кудрявой шевелюрой черного цвета. Его права были обновлены три года назад, в качестве адреса он указал дом на Калле-Маритимо.

Майло продолжал поиски. В Интернете ни одного упоминания об этом человеке не встречалось.

– Бритье головы и несколько странное поведение – не основание для ордера на арест, но надо не упускать его из вида.

– А что насчет того крикуна с болота – Дабоффа? – поинтересовался Рид. – Как вы и сказали, доктор, он помешан на этом болоте. Просто одержим им. Что, если оно имеет для него некое сексуальное значение, потом он и топит тела своих жертв там?

– Серийный природоохранник, – хмыкнул Майло.

– Я бы приглядывал и за ним тоже, – ответил я. – Но, как вы и сказали, Мо, он не пытается отвести от себя подозрения. Напротив, высказывает нам все прямо в лицо, и признаёт, что был у болота, совсем рядом с тем местом, где нашли Селену.

– А это не может быть реверсивная психология? – спросил Рид. – Или просто наглость – если он считает себя умнее нас? Как те идиоты, которые пишут послания или возвращаются на место преступления, чтобы похвастаться...

– Возможно.

Пальцы Майло плясали по клавиатуре.

– Что ж, взгляните на это. Личное дело мистера Дабоффа.

* * *

За десять лет Силфорд Дабофф был арестован семь раз – и каждый раз это было столкновение на какой-нибудь протестной акции.

Антиглобализационный митинг на Сенчури-плаза, требование повысить зарплату гостиничным служащим в Сан-Франциско, сидячий митинг против строительства ядерной электростанции в Сан-Онофре, протест против строительной деятельности в прибрежной зоне в Окснарде и Вентуре. Седьмой арест был за борьбу против захвата миллиардерской съемочной компанией Птичьего болота.

Шесть раз он был арестован за сопротивление, но на антиглобализационном митинге его обвинили в нападении на полицейского и нанесении побоев и приговорили к выплате штрафа. Два года спустя было подано встречное обвинение, когда апелляционный суд рас-

смотрел коллективный иск по обвинению Лос-Анджелесского полицейского департамента в провоцировании волнений.

– Я помню тот случай, – заметил Майло. – Был жуткий бардак. Значит, этот тип любит сидеть посреди улицы и орать лозунги? Однако за ним не числится серьезного насилия. Это даже не назовешь списком преступлений. Скорее так, списочек.

– Антиглобализация привлекает анархистов и им подобных, верно? – сказал Рид. – Это возвращает меня к шапке Хака. Те ребята носили что-то подобное. Что, если Хак и Даб-офф познакомились на этих митингах и обнаружили у себя общий интерес к более темным делишкам?

– Они бывали на одних и тех же митингах, Дабофф был арестован, а Хак – нет?

– Дабофф – тип прямолинейный, без капли хитрости. Хак – более скользкий тип. Может быть, именно это я в нем и учуял.

– Нечестивая парочка, – промолвил Майло. – Днем они агитируют за защиту всего на свете, а после захода солнца убивают женщин, отрубают им руки и бросают трупы в трясины.

Рид прибавил скорости.

– Полагаю, это слишком надумано.

– Сынок, на данный момент надуманное – лучше, чем ничего. Конечно же, надо приглядывать за ними обоими. Если вы найдете имя сеньора Хака в списке участников любой протестной группы, где состоял сеньор Дабофф – любую связь между ними, какую угодно, – у нас будет след, ведущий к банде убийц.

– Паре убийц легче избавляться от трупов, – добавил я. – Один паркует машину, другой тащит тело. Или тащат оба, тогда им проще будет донести его и поскорее смыться оттуда.

– Думаю, надо еще поговорить с бухгалтером мистера Вандера, – сказал Мо Рид, – и узнать о других учителях, дающих уроки на дому, верно?

– Думаете, кто-то может знать Селену по этой работе? – спросил Майло.

– Скорее кто-то, работавший там, может рассказать нам больше о Хаке. Быть может, мы не нашли никаких свидетельств ее обычной жизни потому, что работа учительницей Келвина Вандера мешала ей заниматься какими-то иными интересами. – Он покачал головой. – Пятьдесят тысяч за обучение одного-единственного ребенка... что, если именно связь Селены с этой семьей была причиной смерти?

– Селены и трех других женщин без правой руки?

Рид не ответил. Несколько секунд спустя он произнес:

– Никакой сторонней жизни – зато там был этот корсет и все прочее. Как вы и сказали, лейтенант, она могла участвовать в развлечениях где-то на стороне. И пока что единственное известное нам место, где она проводила время, – это дом Вандера.

– Вдалбливала в мальчика произведения Бартока, – усмехнулся Майло, – а потом ускользала в крытый бассейн на БДСМ-вечеринку с тренером по каратэ.

– Или с Хаком. Или с самим мистером Вандером, если уж на то пошло.

– С водопроводчиком, с уборщиком бассейна, с флористом, с садовником...

Рид промолчал.

– Да, конечно, позвоните бухгалтерам и узнайте все, что возможно, о наемном персонале. Все равно, пока мы не опознаем другие жертвы, у нас все глухо.

– Пятьдесят тысяч могут свидетельствовать о том, что босс ждал от нее многого, – прикинул Рид. – Хак сказал, что Вандер уехал за границу, но богачи не делают грязную работу сами, они нанимают для нее кого-нибудь.

– Богат – значит, злодей, – обронил Майло.

– Я просто думаю, что их тоже надо внести в список.

– Для меня и для вас, Мо, пятьдесят штук – серьезные деньги. Такие люди, как Вандер, платят больше за страховку своих кастрюль и сковородок. Но, конечно же, займитесь этим, посмотрим, что вы сможете откопать. Кстати, проверьте, как дела у антропологов.

– Проверю, – согласился Рид. – Спасибо, лейтенант.

– За что?

– За обучение.

– Во-первых, мы пережили вместе уже достаточно, чтобы вы называли меня Майло. Во-вторых, я пришлю вам счет за обучение. – Он потянулся и улыбнулся. – Пятидесяти тысяч будет достаточно?

Глава 8

Вернувшись в свой тесный кабинет, Майло перечитал распечатку письма от *engrbass345*. Включив компьютер, он ввел в поиск слова *engineer* и *bass* – выпало множество результатов, но ни одного совпадения.

– Надо пробить по адресу электронной почты... есть... веб-сайт Эмили Николь Грин-Басс – похоже, она держит магазин старинных украшений в... Грейт-Нек, штат Нью-Йорк. Вот ее фото со всякими блестяшками. Фамильное сходство налицо, да?

Тонколицая женщина лет пятидесяти с небольшим, стоящая за прилавком, на котором под стеклом красуются браслеты. Большие глаза, острый выступающий подбородок. Короткие волосы белого цвета зачесаны вперед, образуя неровную челку.

Селена Басс в среднем возрасте, до которого ей не суждено было дожить.

– Генетика, – произнес я.

– Это будет занятно. – Сделав глубокий вдох, лейтенант взял свой телефон.

* * *

Несколько минут спустя, повесив трубку, Майло зевнул. Это не свидетельство скуки, а попытка вобрать побольше воздуха – признак усталости.

Эмили Грин-Басс кричала, плакала, бросала трубку. Перезвонив через минуту, она извинилась, но продолжала плакать.

Майло слушал ее, жуя незажженную сигару. Когда женщина умолкла, он начал выжимать из нее сведения.

Селена была единственным ребенком Эмили от второго брака. В первом родились двое сыновей, один из которых жил в Окленде. Именно там сейчас она и находилась – в честь рождения ее внучки.

– Я думала, это счастливейший момент в моей жизни, – всхлипнула Эмили. Она не видела Селену пять лет. Это письмо было одним из многих, которым они обменялись в последнее время – после того, как Селена вышла на связь. Наконец-то.

Майло спросил, почему они не контактировали так долго, и Эмили снова разразилась рыданиями.

– Я прилечу завтра.

* * *

В четыре часа дня заместитель начальника по имени Генри Уэйнберг позвонил нам, чтобы узнать, как продвигается расследование относительно убийства на болоте.

Майло перевел его звонок на громкую связь.

– Пока что ноль плюс ничего, сэр.

– Возможно, самое время обратиться с этим в СМИ, лейтенант.

– Я бы придержал это до тех пор, пока антропологи не смогут бросить нам косточку.

С другого конца наступило молчание. Майло продолжил:

– Таким образом...

– Я услышал вас, лейтенант, – отозвался Уэйнберг. – Славная шуточка. Мы поставим вас перед видеокамерами. Хотите устроить комик-шоу?

– Бог меня упаси, сэр.

– Бог и босс, лейтенант. И не спрашивайте меня, кто из них кто. Позвоните этим искателям костей сейчас же. Убедитесь, что они работают *быстро*.

* * *

Доктор Харгроув все еще была на болоте. По телефону ответила доктор Лиз Уилкинсон.

– Здравствуйте, лейтенант. У нас есть кое-какой прогресс по Неизвестной Номер Один. Судя по переносице, это, скорее всего, была чернокожая женщина, возраст предположительно от двадцати до тридцати пяти лет. – Это описание вполне соответствовало самой Лиз, но ее тон был сугубо научным.

Майло записал эти сведения.

– Что-нибудь еще?

– Она, вероятно, родила как минимум одного ребенка и перенесла перелом правого бедра, достаточно тяжелый, чтобы ей понадобилось установить металлический имплант. Сам титановый стержень мы не нашли, но обнаружили отверстия от винтов. Не удивлюсь, если она хромала.

– Перелом недавний?

– Вокруг него образовался значительный костный нарост, то есть после него прошли не месяцы, а годы, однако он случился уже во взрослом возрасте. Помимо этого, к интересным находкам относится сломанная подъязычная кость. И, конечно же, отсутствие руки.

– Задущена?

– Скорее всего. По нашим предположениям, труп пролежал под водой несколько месяцев, но это всего лишь предположение. Элинора... доктор Харгроув все еще там, работает вместе с Лизой – доктором Чаплин – над двумя другими точками. Однако на это потребуется время, разъединение частей скелетов зашло слишком далеко, а мы не хотим ничего упустить. Я здесь потому, что Элинора попросила меня сделать записи о том, что мы уже нашли. Я перешлю вам по электронной почте то, что я вам сейчас сказала.

– Спасибо.

– И еще одно, лейтенант. Едва я вышла из болота, тот волонтер – бородатый тип – явился снова. Полицейский, охраняющий место расследования, не пустил его, и он начал ругаться. Завтра я хотела бы начать работы рано утром – как только встанет солнце и я буду одна, потому что Элинора и Лиза не смогут приехать раньше девяти. Было бы хорошо, если б мне никто не помешал.

– Я обеспечу охрану до того, как вы придете.

– Благодарю. Это красивое место, но оно может оказаться несколько... зловещим.

Майло вызвал на экран список без вести пропавших лиц, зарегистрированных в полицейском управлении, и стал искать в нем чернокожих женщин, попадающих в указанный доктором Уилкинсон возрастной интервал. Обнаружилось пять случаев, самый недавний – полгода назад. Никаких упоминаний о хромоте или переломах ног, но Майло все-таки распечатал данные.

– Надо проверить по другим округам. Надеюсь, она не из тех бедолаг, до пропажи которых никому нет дела.

Раскурив сигару, он наполнил крошечный кабинет вонючим дымом. Закашлялся, ослабил галстук, сплюнул кусок табака в мусорную корзину, промахнулся и потянулся к клавиатуре.

Печатал он яростно и молча.

Я, не сказав ни слова, вышел из кабинета.

* * *

Дорожные пробки и перекрытие полос без какой-либо видимой причины превратили путь домой в настоящее испытание, и до Беверли-Глен я добрался почти в шесть часов вечера.

Старая аллея, ведущая к моему дому, оказалась неожиданным островком покоя. Сам дом, обсаженный соснами и сикоморами, радовал глаз белизной стен и простотой архитектуры.

Я позвал Робин, но не получил ответа. Бросив пиджак, взял бутылку пива, спустился по кухонной лестнице и вышел в сад, миновав пруд.

Различив мои шаги, карпы-кои начали штурмовать края пруда. Двенадцать взрослых и пять юных. Половина мальков погибла, не достигнув и дюйма в длину, но выжившие уже вымахали в целый фут и постоянно были голодны. Я бросил им гранулированный корм и наблюдал, как спокойный прежде водоем превращается в бурлящее месиво – это рыбы кинулись за едой. Пару минут я наслаждался иллюзией всемогущества, затем пошел дальше по галечной тропинке к студии Робин.

Иногда она так и сидела за работой, пока я не отвлекал ее. Но сегодня вечером ее рабочий верстак был пуст, а сама Робин сидела на диванчике, рассеянно накручивая локон на палец и читая книгу о лютнях времен Возрождения.

Бланш примостилась у нее на коленях, опустил острые уши и сморщив плоскую мордочку так, что та напоминала измятый бархат.

Еще одной дамой в моей жизни была двадцатифунтовая французская бульдожиха ванильной масти, с аккуратной манерой еды, которая редко встречается у этой породы, и ангельским характером. Некоторые из моих пациентов требовали, чтобы она присутствовала на сеансах. Я все еще пытался понять, какая роль в этом отводится ей.

Они с Робин выглядели похожими. Новый олимпийский вид спорта: синхронная улыбка. Я поцеловал Робин в щеку и чмокнул Бланш в макушку.

– Питомец и девушка в равной цене? – спросила Робин.

– Она благодарно пыхтит.

– А еще она мочится в кустах.

– И в чем проблема?

– О, не соблазняйте меня.

Мы поцеловались, и я присел рядом с ней. Ее кожа и волосы пахли кедром и парфюмом от «Армани». Прохладные пальцы легли мне на затылок.

– День был хорошим.

– Сейчас он стал куда лучше.

Бланш наблюдала за нашим поцелуем, склонив голову набок и поставив уши торчком.

– Присматриваешь, подруга? – сказала Робин.

Бланш улыбнулась.

* * *

Мы приготовили омлет с грибами и сыром, и я спросил ее, чем она занималась.

– Почти ничего не делала – так, сидела, сложа руки. Я могу к этому привыкнуть.

Неделю назад она завершила крупный заказ: копии четырех старинных гибсоновских инструментов для интернет-бизнесмена, который пожертвовал деньги от их продажи на благотворительность. Робин поговаривала о том, чтобы взяться за новый проект, но пока что ограничивалась ремонтом.

Я вспомнил про шестидесятилетнюю гитару фламенко, все еще пахнущую деревом и лаком, у которой нужно было укрепить гриф.

– Ты закончила с «Барберо»?

– Да, это оказалось проще, чем я думала. Пако забрал ее пару часов назад. Должно быть, ты сегодня действительно замотался. Только что звонили со службы, сказали, что ты сегодня не отзвонился. Какому-то адвокату нужна твоя консультация.

Она назвала мне имя этого адвоката.

– Если он оплачивает свои счета, – заметил я, – то он мог бы нанять кого-нибудь. – Затем допил пиво и потянулся.

– Ты выглядишь совершенно загруженным, – заметила Робин.

– Этот груз свалили на Майло. Я просто околачивался рядом и смотрел.

– Смотрел на что?

Я поколебался: инстинкт защитить женщину от неприятных новостей никак не желал сдаваться. В прежние времена я избегал разговоров о делах в полиции. После нескольких ссор и примирений я начал делиться информацией.

Я в общих чертах обрисовал ей случившееся.

– Болото? – переспросила Робин. – То, где мы пытались погулять?

– Именно то.

– Знаешь, это жутковатое место.

То же самое сказала Лиз Уилкинсон.

– Почему это?

– Я не могу назвать точную причину. Мне кажется, оно какое-то недружелюбное. Где нашли эти трупы?

– Самый недавний лежал прямо у восточного входа. Остальные были утоплены дальше по тропе.

– Привезти тело и избавиться от него, – промолвила Робин. – Машина вызвала бы подозрения, Алекс. Это место видно сверху, там же целый квартал.

– Приехать ночью, выключить фары, и никто ничего не увидит впотьмах. В том числе и сверху.

Отодвинув тарелку, она смешала клюквенный сок с несколькими каплями «Грей гуз»¹².

– Три трупа утоплены, а один оставлен на открытом месте... Что бы это могло значить?

– Может быть, преступник стал слишком самоуверен?

– Похвастался, – кивнула Робин. – Как будто это то, чем можно гордиться.

* * *

Тот интернет-бизнесмен прислал в подарок Робин целую коробку фильмов с Одри Хепберн. Мы просмотрели большинство DVD-дисков, а «Шараду» приберегли для долгой спокойной ночи.

Через десять минут после начала фильма зазвонил телефон. Я проигнорировал его и привлек Робин поближе к себе. Несколько секунд спустя звонки возобновились. Я поставил фильм на паузу.

– Завтра в десять утра ты свободен, верно? – спросил Майло. – Прилетает мать Селены.

– Конечно.

– Всё в порядке?

– Абсолютно.

– Я вклинился во что-нибудь?

¹² Популярная на Западе марка водки.

- В высокие интриги, где задействованы прекрасные люди.
- А, киношка...
- Ты просто выдающийся детектив.
- В реальной жизни такого не бывает. Возвращайся к своей кинодраме. О костях я расскажу тебе завтра.
- А что именно о костях?
- Эй, я не хочу отвлекать тебя от Робин, собачки и выдуманных прекрасных людей.
- Так что?
- Доктор Харгроув управилась быстрее, чем думали. Все три скелета утопленных жертв составлены полностью, не считая отсутствующих правых рук. Неизвестная Номер Два – чернокожая женщина, в том же возрастном интервале, что и Номер Один – та, что со сломанной ногой, – и тоже, вероятно, удушена. Судя по длине ее бедер, рост минимум пять футов семь дюймов, и степень деформации указывает на то, что у нее, видимо, был значительный лишний вес. Харгроув предположила, что этому захоронению примерно полгода, но точно установить она не может. Номер Три – белая женщина, старше, чем другие, около пятидесяти лет, среднего роста, тоже сломана подъязычная кость, никаких особых примет не найдено. Давность захоронения – возможно, та же самая, что и у Номера Два, а может быть, и больше, трудно сказать. Еще один кусочек информации: в списке департамента полиции Сан-Диего числится пропавшая чернокожая женщина по имени Шералин Докинз. Двадцать девять лет, аресты за попрошайничество и наркотики; пять лет назад она сломала ногу в автокатастрофе, и после этого хромала.
- Сто двадцать миль отсюда, – прикинул я. – Наш преступник – путешественник?
- Это именно то, что мне было нужно. Я сказал Риду найти ее родных, съездить к ним и удостовериться. Нужно, чтобы он почувствовал, что может чего-то добиться; у парня низкая самооценка, а?
- Он узнал что-нибудь у бухгалтеров Вандера?
- Ничего. «Глобал инвестментс» направили его к адвокату Вандера, где его отфутболили к секретарше, а та – к своей секретарше. Которая заставила его подождать, а потом уведомила, что перезвонит ему. За Трэвисом Хаком или Силфордом Дабоффом тоже ничего особенного не числится. И никакой связи между ними не выявлено.
- Захватывающий мир сыска, – вздохнул я.
- Посмотрим, что Рид сможет узнать от родных Шералин Докинз. Может быть, она переехала в Лос-Анджелес, и мы сможем проследить какую-нибудь связь с кем-нибудь.
- Если она действительно переехала, следует подумать вот о чем: болото находится не так далеко от Лос-Анджелесского аэропорта, а вокруг него полным-полно уличных проституток.
- Хм-м... мне это нравится. Ладно, возвращайся к своей киношке. – Кстати, что именно ты смотришь?
- «Шараду».
- Беготня по Парижу и короткие разговоры... Если б все преступления были такими интересными!
- Хочешь, одолжу тебе после того, как мы посмотрим?
- Нет, – отказался Майло. – Сейчас мне не до выдумок.

Глава 9

Я прибыл как раз вовремя, чтобы успеть на разговор с матерью Селены Басс. Чиновник в гражданской одежде сообщил мне:

– Они уже начали. Комната Д наверху.

Дверь была не заперта. В комнате работал кондиционер. Майло сидел напротив Эмили Грин-Басс. Его галстук был аккуратно завязан, лицо выражало сочувствие. Я видел, как он практикуется перед зеркалом для встреч с убитым горем родственниками жертв. Расслабить мышцы. Убрать из глаз хищный блеск.

Белые волосы Эмили Грин-Басс теперь отросли и были заплетены в косу. Одета в черную водолазку, длинную серую юбку и черные замшевые мокасины. Хозяйка ювелирного магазина – без единого украшения. Черты ее лица были острыми, словно вырезанными лазером, – слишком острыми, чтобы быть красивыми. В лучшие времена она, несомненно, была прекрасной женщиной; сейчас же превратилась в ледяную статую.

Сбоку от стола сидели два массивных мужчины в возрасте чуть за тридцать. На старшем были желтая рубашка для гольфа, черные штаны и парусиновые туфли. Светлые волосы с рыжиной разделены надвое пробором. Чисто выбритый, толстошей, с красноватым носом.

Тот, что помоложе, был немного смуглее, такого же массивного телосложения, но черты лица у него были тоньше. Он был одет в тускло серый свитер с надписью «Дэвид Линч рулит», помятые штаны с карманами и высокие шнурованные ботинки. Волнистые каштановые волосы достигали плеч, а подбородок скрывала белая треугольная борода. Из заднего кармана свисала хромированная цепочка, и когда мужчина повернулся ко мне, она зазвенела.

Майло представил меня им, потом сообщил:

– Доктор Делавэр, это мать и братья Селены.

Эмили Грин-Басс протянула мне длинную белую руку, которая была такой холодной, словно ее только что вытащили из морозильника. Я коротко пожал ее обеими руками, видя, что в серых глазах женщины стоят слезы.

Бритый сказал:

– Крис Грин.

– Марк, – пробормотал бородатый.

– Мы только что обсудили жизнь Селены в Лос-Анджелесе. Марк поддерживал контакт с Селеной после того, как она перебралась сюда.

– Она навещала меня в Окланде, – пояснил Марк. – Сказала, что у нее все хорошо. И то же самое написала маме.

Эмили Грин-Басс не отводила от меня взгляд.

– Я рада, что здесь психолог. То, что произошло... это мог сделать только псих. В жизни Селены не было ничего экстремального. Уже долгое время.

– Не было никогда, – добавил Марк Грин. – Лишь обычные взбрыки в молодые годы.

– Это ты так считаешь, Маркус. – На губах женщины появилась холодная улыбка. – Когда мне приходилось иметь с ними дело, это совсем не выглядело так.

Марк дернул плечом и ссутулился. Цепочка снова зазвенела, и он протянул руку, чтобы прекратить этот звон.

– Я выкидывал то же самое, и Крис, ага. Единственная разница в том, что мы лучше прятались. – Он взглянул на брата, ожидая подтверждения.

– Угу, – согласился Крис.

– К несчастью для Селены, – продолжил Марк, – у нее была манера сознаваться во всем. Правда?

Крис горько улынулся.

– Как у католика на исповеди. Только мы не католики.

– Сначала она опробовала сценарий на нас, – сказал Марк. – «Я выкурила косяк», «я смотрела порно по кабельному», «я соврала маме о том, где была». Мы ей отвечали: «Не говори об этом нам, балда. И уж точно не говори маме». Но она, конечно же, говорила.

Эмили Грин-Басс заплакала.

– Типичное для подростка поведение, – резюмировал Майло.

– Мы зря тратим время, – хмыкнул Марк Грин.

– Она была просто без ума от музыки, – заметил Крис.

– Ну и что?

– Марк, остынь. Я хочу, чтобы они узнали все факты.

– Факт лишь в том, что она оказалась не в то время и не в том месте – и наткнулась на реинкарнацию Теда Банди¹³.

Наступило молчание. Затем Марк Грин снова заговорил:

– Быть может, для всех замешанных это и новость, но то, что она увлекалась музыкой, не делает ее чокнутой. Изначально Селена была совершенно нормальной. Встретив людей, с которыми я ошивался, она сочла их странными.

– Что это за люди? – спросил Майло.

– С работы, – ответил Марк.

– А точнее?

– Какое это имеет значение?

– Маркус, он пытается помочь, – вмешалась его мать.

– Я рад за него, – фыркнул тот и обратился к Майло: – Я работаю везде, где мне платят.

– Марк получил диплом инженера-акустика, – пояснила Эмили.

– Я делаю звукозапись, настраиваю усилители – в основном на концертах и частных видеосъемках. Сейчас мы делаем официальную серию рекламы, а братец Крис работает на «Старбакс», невразумительную кофейную компанию в Сизтле.

– Маркетинг и доставка, – пояснил Крис.

– Когда Селена приезжала к вам, Марк? – спросил я.

– Год назад, и примерно полгода спустя после этого. В первый раз я работал на съемках, и Селена болталась поблизости. Тогда она и сказала мне, что люди, с которыми я общаюсь, странные. Думаю, относительно той съемочной бригады это было верно. Половина диалогов была на итальянском, другая шла пантомимой – некая дань памяти Пазолини, но никто из них по-настоящему не знал итальянского.

– И «Оскар» им точно не присудили, – бросил его брат.

– Ну не всем же повезло прицепиться к тележке с кофе.

– А второй визит Селены? – напомнил Майло.

– Это было, когда я попросил ее приехать на выходные, чтобы я познакомил ее с Клео – на тот момент моей девушкой, сейчас уже женой. У нас на днях родился первый ребенок, и мне бы сейчас следовало быть дома. Можно закончить все это побыстрее?

Майло откинулся на спинку кресла и скрестил ноги.

– Если вам больше нечего нам сказать, вы можете идти.

¹³ Теодор Роберт (Тед) Банди (1946–1989) – американский серийный убийца, насильник, похититель людей и некрофил, действовавший в 1970-е гг.; его жертвами становились молодые девушки и девочки. Незадолго до своей казни признался в 30 убийствах, однако настоящее количество его жертв может быть гораздо больше.

Марк почесал бородку, заправил прядь волос за левое ухо. На шее его красовалась синие-зеленая татуировка «Клео» в венке из виноградных лоз. Я понадеялся, что брак его будет долгим.

– Какого черта, – фыркнул он. – Я забронировал билет на девять вечера, и менять его нет смысла.

– Селена виделась с тобой дважды, да? – сказал Крис. – Это на целых два раза больше, чем то, сколько раз она озаботилась перезвонить мне.

– Наверное, она была слишком занята для болтовни о корпоративных делах.

Крис отвернулся от брата.

– Вы звонили ей? – уточнил Майло.

– Просто чтобы узнать, как она поживает.

– Когда вы в последний раз разговаривали с ней?

– Ну, не знаю... года два назад.

– Несомненно, мы очень дружная семья, – съехидничал Марк.

Эмили Грин-Басс пояснила:

– Я рассталась с отцом Криса и Марка, когда мальчикам было три года и год соответственно, и с тех пор о нем ничего не было слышно. – Она хмуро взглянула на сыновей, словно те были в этом виноваты. – Год спустя я встретила отца Селены. Дэн был добр к моим сыновьям.

Возражений не последовало.

– Дэн умер, когда Селене было шесть лет. Я растила ее одна и, уверена, кое-кто скажет, что я все испортила.

– Ты все делала правильно, мама, – заспорил Крис.

– Может быть, не будем отвлекаться от Селены? – напомнил Марк.

Наступило молчание.

– Так на чем мы закончили? – продолжил он. – Селена была талантливой, но до изумления честной. Я не говорю, что она никогда не врала. Но даже когда они с мамой враждовали, Селена никогда не делала никаких гадостей, не пыталась подставить никого другого. Совсем наоборот. Мы когда-то дразнили ее «сестра Си». Ну, как будто она монашка.

– Она сама называла себя так, – добавил Крис.

– У нее были парни? – спросил Майло.

– Не было, – ответил Марк.

– Миссис Грин-Басс?

– Нет, я никогда ее ни с кем не видела.

Женщина закрыла лицо руками. Марк протянул руку и погладил ее по плечу. Она отстранилась и проговорила сквозь пальцы:

– О, Боже, это так ужасно...

Губы Марка дрогнули.

– Мама, я хочу лишь сказать, что Селена не виновата в своей смерти. Так бывает; жизнь – дерьмо. Все равно, что сойти с тротуара и попасть под тачку какого-нибудь стервеца. Со мной так и произошло. Сразу после того, как Клео родила Федру. Я вышел из больницы, чтобы купить шампанского; я буквально парил в воздухе. Сделал шаг на «зебру» – и хренов грузовик «Сан-Франциско экзаминер» появился, словно ниоткуда и разминулся со мной буквально на миллиметр.

– Маркус, не рассказывай мне такие вещи! Я не хочу их слышать!

– Значит, вы не знаете о том, был ли у нее парень, – напомнил Майло. – А что насчет подруг? Она с кем-нибудь дружила в Лос-Анджелесе?

Наступила пауза, потом Эмили произнесла:

– Она была счастлива, когда нашла работу. Именно тогда и написала мне и-мэйл.

– Она обучала того богатенького мальчишку, – пояснил Марк. – Говорила, что это работа мечты. Она позвонила мне, чтобы рассказать об этом, потому что я тоже занимался музыкой – играл когда-то на басу. Не то чтобы я и близко достиг того же уровня, что и Селена. У меня было умение, у нее – талант. Она села за пианино, когда ей было три года, и сразу заиграла. К пяти она играла Гершвина со слуха. Дайте ей что угодно, и Селена это сыграет. Я видел, как она взяла кларнет и сразу заиграла, как профи, – мгновенно поняла, как надо дуть.

– Судя по вашим словам, она была гением, – заметил Майло.

– Никто ее так не называл, мы просто считали ее потрясающей, – отозвалась Эмили Грин-Басс. – Я была слишком занята тем, что зарабатывала всем нам на жизнь, и меня радовало то, что ей есть чем заняться.

– Однажды я пришел домой, – это было много лет назад, когда Селене было восемь или девять лет, – сказал Марк. – Она сидела в гостиной и тренькала на моей гитаре. Гитара была совсем новой, подарок на день рождения, и я разозлился, что она взяла ее без разрешения. Но потом я осознал, что она действительно извлекает из нее музыку. Никто не учил ее, она сама научилась по сборнику мелодий с аккордами – и попадала в ноты лучше, чем я.

– Когда ей было одиннадцать, я заметила, что она готова хоть весь день сидеть за пианино, – подхватила Эмили, – поэтому я нашла для нее учителя. Тогда мы жили в Эймсе, в Айове. У компании «Эймс бэнд эквипмент» была программа поддержки для школ. Селена превзошла первого учителя, которого они ей назначили, а потом еще двух. Тогда мне сказали, что нужно найти кого-то, способного дать ей серьезную классическую подготовку. Когда мы переехали на Лонг-Айленд, я нашла в городе старую женщину, которая была профессором музыки в Советском Союзе. Миссис Немирова... мадам Немирова была просто древней и носила бальные платья. Селена училась у нее до пятнадцати лет. Потом вдруг просто бросила заниматься, заявив, что ненавидит классическую музыку. Я сказала ей, что она впустую тратит данный Богом талант и никогда больше не будет играть. Дочь ответила, что я ошибаюсь. Все зашло далеко – это был один из наших самых больших... споров. Тогда мне пришлось трудно. Селена совершенно забросила уроки в школе, получала одни плохие оценки. Она утверждала, что жизнь способна научить ее большему, чем любая дурацкая школа.

– Не жук чихнул, – пробормотал Марк.

– Она перестала играть? – спросил я.

– Нет. Я действительно ошиблась. На самом деле. Она стала играть больше, просто отошла от классических произведений. Хотя время от времени играла что-нибудь из Листа или Шопена. – Женщина горько улыбнулась. – Этюды Шопена... Ей нравились те, что играют в мажорном ключе. Или, по крайней мере, она так говорила, – я почти не разбираюсь в музыке. Селена унаследовала талант от своего отца: он играл на гитаре, на банджо, на чем угодно. В основном в стиле блюграсс¹⁴, он был родом из Арканзаса. Мадам Немирова говорила, что не многие из ее учеников были способны так быстро считать с листа и сыграть что-нибудь, как Селена, и что у девочки идеальный слух. По ее мнению, она, если б захотела, стала бы одной из величайших пианисток.

– Но Сел считала, что концертные турне, где нужно исполнять Бетховена для ценителей во фраках и накрахмаленных рубашках, не дадут ей жить нормальной жизнью.

– А разве то, что вышло, было лучше? – отозвалась Эмили. – Абсолютно ничего не делать до двадцати одного года, потом собраться и уехать в Лос-Анджелес, ничего не сказав мне... Без малейших перспектив найти работу...

– Она сбежала из дома? – спросил Майло.

¹⁴ Блюграсс – стиль музыки кантри, происходящий из региона Аппалачей, в первую очередь штата Кентукки («штат мятлика»), которому обязан своим названием (*bluegrass* – мятлик).

– О совершеннолетних так не говорят. Я пришла домой, и оказалось, что она собрала свои вещи и оставила записку о том, что уезжает «на побережье», и чтобы я не пыталась ее остановить. Я разозлилась. Через несколько дней она позвонила, но не сказала, где находится. Наконец я выжала из нее, что она в Лос-Анджелесе, однако Селена так и не сказала, где именно. Она утверждала, что зарабатывает «гастролями», что бы это ни означало.

– Она подрабатывала в клубах для свиданий, играя на синтезаторе, – сообщил Марк.

Мать внимательно посмотрела на него.

– Я впервые слышу об этом, Маркус.

– Значит, хорошо, что я здесь и могу просветить тебя.

Ладонь Эмили Грин-Басс взлетела в воздух и устремилась к его лицу, однако женщина в последний момент удержалась, вздрогнув всем телом.

– Лейтенант, у меня не имелось постоянного контакта с Селеной, но это был ее выбор, не мой. Она полностью отгородилась от меня. Я понятия не имела, чем моя дочь занималась все эти годы. Это было адски тяжело – не знать. Я звонила в полицию, но не могла сообщить адрес, так что они не знали, с каким участком меня связать. А поскольку Селена была уже совершеннолетней и покинула дом добровольно, никто ничего не мог сделать. Максимум, что они могли предложить, – чтобы я наняла частного детектива. Но даже не считая того, что это дорого, я знала, что подобное разнюхивание разозлит Селену, поэтому я занималась своей жизнью и убеждала себя, что моя дочь жива и здорова.

– Когда вы звонили в полицейское управление? – поинтересовался Майло.

– В самом начале. Где-то... четыре года назад или пять. Я продолжала надеяться, что она попросит денег, – по крайней мере, мне казалось, что она это сделает. – Женщина развернулась к Марку. – А теперь ты говоришь мне, что все это время знал, чем она занимается...

Марк Грин ухмыльнулся.

– Это было неважно.

– Для меня – важно.

– Она не хотела, чтобы ты знала, что она делает. Считала, что ты попытаешься остановить ее.

– А зачем мне было ее останавливать?

Ответа не было.

– Я не стала бы останавливать ее, – сказала Эмили Грин-Басс. – А теперь расскажи нам все, что тебе известно, Маркус. Все.

Тот взъерошил свою шевелюру.

– Сейчас же, Маркус!

– Это ерунда. Я уверен...

– Заткнись и рассказывай, Маркус!

– Отлично. Она не хотела, чтобы ты это знала, потому что то, где она выступала, ее совершенно не трогало. Она просто играла музыку.

– О чем ты говоришь?!

– Мама, она взяла с меня слово хранить тайну. У меня нет причин нарушать...

– Теперь есть, – напомнил Майло.

– Да, но все это совершенно ни к чему не привело. Как я и сказал, Селена играла по клубам. И ее приглашали на вечеринки. – Он повернулся к матери. – Она не хотела бы, чтобы ты знала о некоторых ситуациях, потому что понимала, что ты разозлишься.

– О каких ситуациях?

Молчание.

Эмили схватила сына за запястье и притянула поближе к себе.

– Ты считаешь, что я древняя, как мамонт, Марк? Что я полностью оторвана от реальности? Я люблю рок-музыку. А твоя сестра мертва! Эти люди должны знать всё!

Марк облизал губы.

– Речь не о музыке, мама. Селена бывала на... особенных вечеринках... свингерских вечеринках, понимаешь? Этим чокнутым нужно было музыкальное сопровождение.

Эмили Грин-Басс выпустила его рукав.

– О Боже...

– Ты хотела знать, мама; теперь ты знаешь. Селена бедствовала, сидела без денег, поэтому искала вакансии в газете бесплатных объявлений – и нашла объяву о том, что на частную вечеринку требуется клавишник. У нее был «Корг» и прочая техника – все то, что ты подарила ей на восемнадцатилетие.

– Ко всему этому нужен компьютер? – уточнил Майло.

– И еще шнур и разъем, – ответил Марк. – Конечно же, к этому прилагался компьютер.

– Мы не нашли компьютер в ее квартире.

– Все остальное было на месте?

– Похоже, да.

– Странно.

– Кто-то захотел занять «Мак»? – предположил Крис Грин.

– Или им нужны были ее данные, – отозвался Марк.

– Какие данные это могли быть, Марк? – спросил Майло.

– Не знаю, я просто прикинул.

– Прикинули что?

– Эти вечеринки... может быть, она делала заметки о том, что видела там, и кто-то решил сохранить тайну.

– Сумасшедшие, – произнесла Эмили Грин-Басс. – О Господи...

– Расскажите нам об этих вечеринках, Марк, – попросил Майло.

– Селена сказала лишь, что это были чокнутые вечеринки в частных домах. Мы не вдавались в подробности. Правду сказать, я и знать не хотел.

– Скажи всю правду, Маркус, – велела Эмили.

– Это и есть вся правда.

– Ты постоянно твердишь это, черт побери. А потом выдаешь все новые и новые куски... Ты всегда любил дразниться, Маркус!

Марк скрипнул зубами.

– Я знаю только, что Селена играла музыку для людей, занимавшихся групповым сексом в частных домах. Я знаю только, что она рассказывала, будто им нужно было трахаться под живую музыку, потому что это были гребные эксгибиционисты, и трахаться на глазах у долбаной настоящей музыкантши для них было невольной частью их крутого перепихона.

– Не выражайся... Боже, лейтенант, а что, если кто-то заставил ее заниматься... не только музыкой?

– Она никогда не говорила ни о чем подобном, мама. Никогда. Она играла музыку, только и всего. Получала хорошие деньги и была очень довольна.

– Она говорила, сколько получает? – уточнил Майло.

– Нет, и я не спрашивал. – Марк дернул за цепочку и начал перебирать ключи. – А теперь, когда мы разобрали Селену на атомы и рассмотрели под микроскопом ее частную жизнь, может быть, вы пойдете и займетесь расследованием?

– Остынь, брат, – посоветовал Крис.

Марк сгорбился.

– Когда именно она рассказала вам об этих вечеринках? – спросил Майло.

– Когда приезжала ко мне во второй раз.

– Полгода назад.

– Она знала, что я – единственный из родственников, кто не осудит ее. По сути, она сама смеялась над всем этим. Голые немолодые люди трахаются и сосут, пока она играет «Эйр сэйплэй». Потом она нашла ту преподавательскую работу, и это было еще круче.

– Как она ее нашла?

– Она не сказала.

– Может быть, один из этих чокнутых извращенцев присоветовал? – предположила Эмили.

– Мы обязательно проверим это, мэм, – пообещал Майло. – Селена рассказывала вам о своей работе с юным Вандером?

– Она сказала, что у нее теперь есть постоянная работа по обучению юного гения. Написала мне по электронной почте, и я сразу же ответил. Попросил ее позвонить – и она позвонила. Но только один раз. У нас был всего один разговор. Голос у нее был довольный... – Марк всхлипнул. – Я думал, что потом она позвонит снова. Сказал ей, что горжусь ею, попросил ее приехать домой, хотя бы в гости. Она ответила, что подумает об этом, но так и не приехала.

– Селена хранила распечатку вашего письма, мэм, – сообщил Майло. – Оно, несомненно, много значило для нее.

– Спасибо.

Детектив повернулся к братьям.

– Вы знаете что-нибудь о том, как она могла познакомиться с Вандерами?

Крис покачал головой.

– В музыке многое решают устные рекомендации... а-а, вы думаете, что они тоже были сумасшедшими – слышали, как она играет, на одной из этих пошлых вечеринок и наняли ее?.. Да, в этом есть некий смысл.

– Почему вы так считаете?

– Эти поганые богачи делают, что хотят.

– О Господи... – вздохнула Эмили.

– Делать необоснованные умозаключения – плохая идея, – укорил его Майло. – Все, что мы знаем о Вандерах, – что они наняли Селену обучать мальчика игре на фортепиано. Но это именно то, что нам нужно, – любые возможные связи с людьми, принимавшими участие в жизни Селены. Если у кого-то есть еще какие-нибудь мысли, пожалуйста, озвучьте их.

– Мне кажется, моя идея насчет богатеньких козликов вполне имеет смысл, – настаивал Марк. – Селена встретила их на этом шоу уродов, и они решили заплатить ей...

– Ты слышал, что тебе сказали? – оборвал его брат. – Это слишком глупо...

Марк развернулся к нему.

– А ты можешь предложить какие-то другие мысли? Отвянь.

Лицо у Криса стало свекольно-багровым.

– Пасть заткни!

– Прекратите! – вмешалась Эмили Грин-Басс. – Это невыносимо, как будто все кругом прогнило насквозь!

Глава 10

Мы смотрели, как мать и сыновья уезжают в трех разных арендованных машинах.

– Ни намека на единство, – заметил Майло. – И похоже, что Селена была чужой им всем.

– Люди приезжают в Лос-Анджелес, чтобы потерять себя, – отозвался я.

– Ты имеешь в виду меня, себя или всех?

– Всех, кому это подходит.

Вернувшись в офис, я сказал:

– Частные выступления на свингерских вечеринках могут объяснить наличие секс-игрушек. Селена начала с обеспечения звукового сопровождения, потом перешла к другому рода развлечениям.

– Милая девушка, вся из себя такая маленькая мисс Невинность – идеальная внешность для распутницы... – Майло усмехнулся. – Последний раз я слышал это слово в каком-то пошлом бродвейском мюзикле. – Он выудил из ящика стола сигару, развернул и покрутил ее. – Что ты думаешь о Злом Брате?

– Он единственный, кто поддерживал хоть какие-то отношения с Селеной, однако несдержанность может завести его слишком далеко.

Лейтенант проверил, есть ли в нашей базе что-нибудь на Марка.

– Чисто. Так что, возможно, нам следует доверять его инстинктам: Вандеры действительно могли платить пятьдесят штук в год не просто за уроки фортепиано.

– Если этот пацан такой гений, как ты думаешь, могла его семья нанять известного преподавателя, а не нищую музыкантшу, не прошедшую официальное обучение? С другой стороны, какое прикрытие могло быть лучше для их делишек с Селеной?

– Потыкать в клавиши, потыкать в папочку и мамочку...

– Это может объяснять чрезмерную потливость Трэвиса Хака. И ту каменную стену, в которую уткнулся Рид, когда пытался поговорить с бухгалтерами Вандеров. А Вандеры на момент смерти Селены просто случайно оказались в заграничном путешествии.

– Стил жизни богатых и развратных, – ответил Майло. – Вполне возможно, что у Марка Грина просто зудит классовая зависть, однако это не значит, что он непременно ошибается.

Он потер лицо ладонями.

– Дом в конце дороги, за высокими воротами, никаких соседей в пределах видимости... Идеальное место для интересных вечеринок. Селена сказала Марку, что ей нужны деньги. Что, если она получала дополнительную плату за отнюдь не музыкальные занятия, а потом увидела нечто, из-за чего захотела уйти оттуда?

– Или ей кто-то в буквальном смысле угрожал.

– Шантаж?

– Большие тайны – большие деньги.

– Да, это всегда так.

– С другой стороны, истина может быть намного мрачнее, – произнес я.

– В каком смысле?

– А если она исчерпала свой «срок годности», и от нее просто избавились? Это может быть ниточкой к Шералин Докинз. А может быть, и к другим неопознанным покойницам, если они тоже зарабатывали на жизнь сексом.

– Использовали и выкинули?

– Свингерам вечно нужно что-то новенькое, – пояснил я. – Старое быстро наскучивает и надоедает. Сначала на какое-то время нанимают проститутку. Затем появляется Селена – внешне полная невинность. Это может придать огоньку их вечеринкам.

– Может, она была невинной не только внешне, – дополнил Майло. – Двадцать шесть лет и никогда ни с кем не встречалась, пока не попала в дурную компанию... Как ты считаешь, за столько лет работы по клубам это возможно?

– Возможно все, – ответил я. – Это и делает нашу работу интересной.

* * *

Он позвонил в морг и выяснил, что вскрытие Селены Басс назначено через три дня. На просьбы Майло ускорить процедуру ему ответили многочисленными «ну, может быть». Как раз в тот момент, когда он повесил трубку, раздался звонок от заместителя начальника полиции Генри Уэйнберга: тот желал узнать, когда можно будет опубликовать новости об убийствах на болоте.

– Скоро, – бросил Майло и долгое время сидел, безучастно слушая собеседника.

По окончании разговора я сказал:

– Берусь предположить: «немедленно» лучше, чем «скоро».

– У начальства уже написан и вычитан текст, который можно сразу растаскивать на цитаты. Чертовы акулы пера любят пресс-конференции, потому что это позволяет им притвориться, будто они делают нечто важное.

– Рискну поспорить, – отозвался я. – При наличии двух неопознанных жертв СМИ могут оказаться полезными.

– СМИ – это как укол пенициллина, Алекс. Боль в заднице, иногда в малых дозах бывает полезно. Это всегда обоюдоострый клинок: если рассказать слишком много, люди будут напуганы... Давай посмотрим, что выяснили наши дамы-костеискательницы.

Элинор Харгроув была на болоте. Все кости были извлечены, помечены и приготовлены к перевозке в ее лабораторию. Доктор предполагала, что ей вряд ли удастся извлечь что-либо ценное из их исследования, хотя у неизвестной Номер Три было «кое-что интересное с зубами».

– В каком смысле – интересное? – уточнил Майло.

– Два молочных клыка у нее так и не выпали, и она родилась без зубов мудрости. Если вы найдете записи стоматолога, то можно будет ее опознать.

Майло поблагодарил ее, позвонил Мо Риду, убедился, что молодой детектив завтра едет в Сан-Диего и назначил встречу через час за обедом в кафе «Могул».

– Он любит индийскую кухню? – спросил я.

– А какая разница?

* * *

Когда мы пришли в кафе, Рид пил чай. Тот же самый блейзер и брюки, точно такая же рубашка и галстук. За время, проведенное на солнцепеке, его лицо обгорело полностью; выглядел он усталым.

Женщина в сари принесла нам то же, что подавали в тот день.

Майло съел все, что поставили перед ним, но Рид не притронулся ни к чему.

– Не любишь индийские блюда? – спросил Майло.

– У меня был поздний завтрак.

– Где?

– В «Ай-эйч-оу-пи»¹⁵.

– Немецкие блинчики с яблочной подливой?

– Просто яйца.

– Парень, тебе нужно как следует нагрузиться углеводами перед долгой поездкой. – Майло похлопал себя по объемистому животу. – Есть что рассказать-показать?

– Я говорил с Альмой Рейнольдс, подругой Дабоффа. Такая же ненормальная, как и он сам, постоянно твердит о том, что болото – священное место, несмотря на то, что она атеистка. Вот я и подумал: может быть, отсечение правых рук – это какой-то религиозный ритуал? Но я прошерстил все крупные религии, и ни в одной из них подобного нет, даже в викке или в вуду. Рейнольдс подтвердила, что в указанное Дабоффом время ее не было в города, и я не обнаружил пока в ее прошлом ничего примечательного. Бывший начальник Дабоффа в том букинистическом магазине сказал, что тот не склонен к насилию; он даже пауков и тараканов не убивал, а выносил на улицу и отпускал.

¹⁵ «Ай-эйч-оу-пи» (англ. IHOP, International House of Pancakes, «Международная блинная») – сеть ресторанов быстрого питания, специализирующаяся на завтраках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.